

БОЕВИК ОТ АЛЕКСАНДРА МАЗИНА

АЛЕКСАНДР ЗОЛОТЬКО

**МЕНТ:
РАЗБОРКИ
ПОД ПРИКРЫТИЕМ**

Александр К. Золотько
Разборки под прикрытием
Серия «Мент», книга 4

авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157744

Александр Золотько Мент: Разборки под прикрытием: Издательства: АСТ, Астрель-СПб; Москва, Санкт-Петербург; 2006

ISBN 5-17-038563-3, 5-9725-0550-9

Аннотация

Подполковник Гринчук уходит на покой... Только какой может быть покой; на Гринчука «повесили» пропавший воровской общак и еще пару-тройку дел, разрулить которые может только киллер.

Но и общак, и киллеры – сущая ерунда в сравнении с теми проблемами, которые ждут Гринчука в Приморске, обычном курортном городке, куда стягиваются нити общероссийского политического заговора...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Александр Золотько

Мент. Разборки под прикрытием

Ситюку Юрию Ивановичу, майору милиции и другу, с благодарностью за помощь.

Глава1

Все курортные города, в общем, похожи друг на друга. Особенно – города небольшие. Море, пляж и пристроенные к ним дома, домики, халупы и халабуды. И все это приправлено, как и положено южному блюду, зеленью. Какие-то курортные города просто утопают в ней, какие-то – лишь слегка сдобрены тополями и задыхающимися от зноя садами. А в остальном...

Приморск выглядел как типичный, можно даже сказать, среднеарифметический курортный город на тридцать тысяч коренного населения. Это в не сезон. А во время сезона его население увеличивалось многократно. С июня по сентябрь. Июнь, хоть и входил номинально в сезон, но мэра Приморска раздражал.

Нет, типа, все понятно. Типа, в сентябре дети идут в школу, нужно ехать по домам. А кто мешает этим курортникам начинать отдых в июне? Холодно? Читая ежедневные сводки о прибывших на отдых, Сергей Петрович Дедов вздыхал и качал головой. Не едут, уроды. Хоть ты тресни!

Сергей Петрович Дедов очень любил осознавать, что в такие минуты беспокоится не о своих карманах, а о благосостоянии жителей своего города. Это очень поднимало Сергея Петровича в собственных глазах. Кроме этого, Сергей Петрович очень любил, когда его называли хозяином города. Именно – Хозяином. Не мэром, хотя и это слово ему также было приятно, а хозяином.

А еще Хозяин города Приморска Сергей Петрович Дедов очень любил бить людей ногами.

Понятное дело, мэр не носился по городу, пиная всех встречных. Ни коим образом. Господин Дедов наказывал всегда только по заслугам.

Вот, как сегодня.

Валентин Петрович Грибачев попытался уклониться от участия в сборе средств на ремонт стадиона. Ну, ведь не для себя ремонтировал этот стадион Дедов – для людей. Для тех, между прочим, людей, которые останавливаются на отдых и в пансионате «Приморский» того же Грибачева. Но если большинство предпринимателей Приморска правильно поняли намек Хозяина города, то Грибачев начал рассказывать о своих финансовых проблемах, ссылаясь на ремонт собственного пансионата и вообще гнал такую пургу, что мэр не выдержал.

Захватив с собой, как обычно в таких случаях, двух референтов, Колю и Володю, Сергей Петрович поехал в гости к Валентину Петровичу. На день рождения. Гостям было, вообще-то, назначено на восемнадцать ноль-ноль, но Сергей Петрович приехал по делу. Раньше.

Расслабленный в предвкушении праздника, виновник торжества не оценил всю серьезность визита и попытался снова рассказать о своих проблемах.

– И, – закончил за него Сергей Петрович, – бабок ты не дашь?

Валентин Петрович пожал плечами. Хотя с мэром спорить было не принято, но у Грибачева была крыша. Начальник городской милиции с Грибачевым был дружен и до послед-

него времени надежно прикрывал Валентина Петровича. И, кстати, через пару часов должен был приехать на праздник. Столы были накрыты во дворе дома Грибачева. Девочки из пансионата с самого утра сустились, готовя угощение под присмотром мадам Грибачевой.

– Так что – извините, Сергей Петрович, – сказал Валентин Петрович, – но денег...

Грибачев хотел сказать, что денег нет, смягчив это грустное заявление словосочетанием «пока нет», но не успел. Референт Володя, стоявший во время разговора возле двери кабинета, сделал два быстрых шага к хозяину кабинета, взмахнул рукой...

Валентин Петрович не закричал – не смог. Захрипел и упал на пол. Володя оглянулся на своего шефа. Тот, не торопясь, поднялся со стула. Грибачев хрипел, скреб пальцами по ковру. Самому Грибачеву казалось, что он пытается встать.

Сергей Петрович Дедов очень любил бить людей ногами. Вот в таких ситуациях. Удобно, знаете ли, когда человек лежит. И прицелиться удобно, и ударить можно, не сильно напрягаясь. Ножкой чуть взмахнул – и человечек изгибается. И дергается. И хрипит. А если еще ударить ногой по лицу... Но по лицу Дедов решил сегодня не бить.

Грибачев в Приморске человек относительно новый – всего год, как выкупил пансионат. Целый год его практически не трогали. И вот настал момент, когда нужно расставить все точки, где положено. Кроме этого, у человека, все-таки, день рождения, и через пару часов начнут съезжаться гости. Их может удивить наличие у именинника синяков.

– Больно? – поинтересовался Дедов, чуть наклонившись.

Грибачев кивнул.

– Правильно, – удовлетворенно кивнул Дедов и ударил еще раз, чтобы закрепить урок. – Денежки перекинешь завтра. Да?

Грибачев снова кивнул.

– Тогда – я поехал домой, – сообщил Дедов. – Извини, на праздник остаться не могу – дела.

Сергей Петрович вышел из кабинета, во дворе раскланялся с супругой Грибачева, совершенно искренне расстроился, что не сможет попробовать ее фирменного жаркого, сделал абсолютно заслуженный комплимент внешности мадам Грибачевой и пошел к машине.

Грибачев уже смог сесть, прислонившись спиной к стене, когда дверь кабинета распахнулась, и вошли оба референта мэра города. Валентин Петрович застонал и схватился за бок.

– Сергей Петрович извиняется, – сказал Володя очень вежливо, – извиняется за то, что не сможет остаться на праздник, и что забыл отдать вам подарок.

Референты поставили на письменный стол картонную коробку, раскланялись и ушли.

– Вашу мать, – простонал Грибачев и осторожно, прижимая к ребрам руку, встал на ноги.

Подошел к столу, постанывая. Открыл коробку.

Вино. Грибачев механически взглянул на этикетку. Очень хорошее вино. Дорогое. И открытка с наилучшими пожеланиями от Сергея Петровича и его супруги. Долгих лет жизни и удачи в деловых начинаниях.

– Сука, – простонал Грибачев. – Садист.

И ошибся.

Сергей Петрович вовсе не хотел своим подарком уязвить или унижить именинника. Дедов никогда не смешивал личное с бизнесом. Провинился – получи. Именинник – тоже получи. Подарок.

Сергей Петрович Дедов был человеком справедливым. По-своему. И в город возвращался с чувством удовлетворения. Как оттого, что удалось попинать лежащего, так и оттого, что преподнес хороший подарок.

Возле самого въезда в Приморск, Володя привычно притормозил. Как раз напротив плаката. Этим шедевром рекламного искусства Сергей Петрович Дедов гордился. Это он

самолично придумал текст... слогана, говорил один из подчиненных мэра. Лозунга, говорил сам мэр.

– Вы здесь оставите свою душу! – провозглашал плакат.

Дедов удовлетворенно вздохнул, и машина поехала дальше, вниз по дороге. Хозяин Приморска не обратил внимания на автомобиль, стоявший возле поворота. Много их таких, машин.

Референты на машину внимание обратили профессионально. Отметили, что номера местные, что водитель за рулем, а мужчина, стоявший возле «мазды», на «мерседес» мэра практически не отреагировал. Мужчине было на вид около тридцати пяти, росту выше среднего, худощавый. В пестрых бермудах, футболке и цепуре навывпуск поверх футболки. Типа, конкретно приехал отдохнуть и оттянуться. Сейчас стоял и смотрел на плакат, сравнивая город на нем с оригиналом.

Водитель «мазды» проводил машину мэра равнодушным взглядом. Посмотрел на клиента, все еще рассматривавшего плакат.

– Едем? – спросил водитель. – Ты еще хотел на главпочтамт успеть...

Клиент дернул головой, словно просыпаясь:

– Ага, поехали.

Но спокойно проехать они смогли всего метров пятьдесят. Когда из встречной «тойоты» выбросили на дорогу человека, водитель хотел просто проехать мимо, но пассажир потребовал остановиться.

– Не лезь ты в это дело, – сказал, останавливая машину, водитель.

– Так интересно же, – ответил пассажир.

И чего тут интересного, подумал водитель, но спорить не стал. Кто платит деньги, тот и заказывает музыку.

«Тойота» развернулась, остановилась возле выброшенного, который как раз пытался встать. Дверца снова приоткрылась, и на дорогу вылетел чемодан. «Тойота» уехала к городу.

Выброшенный встал и начал отряхиваться. При этом он громко выражал свое неудовольствие по поводу грубого и странного поведения местных жителей по отношению к нему, Аркаше Клину. Неудовольствие свое Аркаша выражал затейливо и даже талантливо. Одно ругательство не повторялось два раза подряд, все слова было согласованы в падежах и числах.

– Как излагает! – восхитился пассажир.

– Клин вернулся, – узнал, наконец, водитель. – Не повезло пацану.

– Это ж как ссучиться нужно, чтобы так человека после зоны принять! – выкрикнул Аркаша Клин в сторону города. – Я ж к вам как человек. Домой, типа. Отдохнуть... А вы...

Клин взял чемодан и пошел к обочине.

– Это теперь всех приезжих так выкидывают? – спросил в окошко пассажир.

– Приезжих! – обиженно протянул Аркаша. – Приезжих здесь на руках носят, пока бабки есть. А тут своего, земляка так встречают.

Клин снова выругался, поставил чемодан на землю и присел на бетонный столбик возле дороги.

– Поехали, – сказал водитель.

Пассажир колебался. Было видно, что он очень хочет выйти из машины и поговорить с Аркашей Клином. И делать ему этого совсем не стоит, понимал водитель. Поэтому, не дожидаясь, пока пассажир начнет собирать неприятности и на свою голову, водитель тронул машину.

– Аркаша лет пять назад сел, – сказал водитель. – Видно, срок кончился.

– И что, теперь после отсидки у вас в городе и жить, типа, нельзя? – спросил пассажир.

– Аркаше, видать, нельзя, – сказал водитель.

Он старался не лезть не в свое дело. Аркаша, в общем, был парнем неплохим, но если кто-то решил, что в городе ему делать нечего, то пусть так и будет.

Возле милицейского поста водитель остановил машину сам, не дожидаясь сигнала. Сержант, не торопясь, вышел из двухэтажного здания поста, и так же не торопясь, подошел к машине. Мельком глянул на водителя и протянул руку к окошку со стороны пассажира.

– Ась? – спросил пассажир.

– Ваши документы, – сказал сержант.

– Это, типа, через почему? – спросил пассажир.

– А я вас сейчас из машины выведу и стану выяснять личность, – скучным голосом пообещал сержант.

Пассажир оглянулся на водителя. Тот молча кивнул, подтверждая, что да, может. Что лучше предъявить документы без возражений.

– Не нужно выводить, – улыбнулся пассажир. – Я, в натуре, этот, законопослушный налогоплательщик.

Он достал из барсетки паспорт и отдал его сержанту.

– Так, – сказал сержант, раскрывая паспорт. – Гринчук Юрий Иванович.

– Типа, я, – подтвердил Гринчук.

– Цель поездки? – спросил сержант.

Он достал из кармана блокнот и переписывал туда данные из паспорта.

– Так море же! – сказал Гринчук. – И женщины. Я типа, хочу оставить здесь свою душу.

Сержант закрыл паспорт и протянул его Гринчуку. Молча отвернулся и пошел к зданию поста.

– Гостеприимные тут у вас менты, – сказал Гринчук, когда машина отъехала от поста.

– У нас все гостеприимные, – ответил водитель. – Даже собаки во дворах.

Гринчук улыбнулся. Да, очень гостеприимный город, этот Приморск. А ему все наперебой говорили, что ничего такого странного в нем не нашли. Сколько ни проверяли – город как город.

– Главпочтамт, – сказал водитель.

Какого черта приезжего несет на почту – непонятно. Но – его дело. Он и на Узловой таскал за собой водителя на почтамт, получал письмо от своей дамы. И дама у него, видать, такая же ненормальная – только и написала на листке в конверте – Приморск.

Таксист проводил пассажира взглядом до двери почтамта, а потом переключил свое внимание на стоявшую неподалеку желтую «вольву». Ее водитель задумчиво смотрел под открытый капот и время от времени почесывал затылок. Руки после этого на всякий случай сразу прятал за спину.

Гринчук вышел из здания почты, помахивая в воздухе конвертом. Таксист что-то говорил водителю «вольво», тот разводил руками и делал недоуменное лицо. Гринчук остановился рядом, несколько секунд послушал диалог, а потом легонько похлопал таксиста по плечу.

– А? – оглянулся тот.

– Типа, – протянул Гринчук, – если консилиум закончен, можно ехать.

– Можно, – согласился таксист и с состраданием посмотрел на «вольву». – Где поселилась супруга?

Гринчук разорвал конверт, вынул оттуда несколько бумажек.

– Что мы имеем с гуся... – рассматривая бумажки, пробормотал Гринчук. – А с гуся мы имеем гостевую карточку гостиницы «Приморская», электронный ключ от номера 305 и талончик на получение фотографий. И фотографии получить, как я понимаю, нужно немедленно.

Таксист неопределенно хмыкнул и сел за руль. Гринчук сел рядом.

И почему на юг приезжают одни ненормальные, подумал водитель. Придумали развлечение – переписка. Если бы его супруга попыталась ему вот так писульку передать... Водитель потер правый кулак о ладонь.

– Слышь, – спросил Гринчук, – набережная далеко?

– Улица или набережная?

– Вот, сам глянь, – Гринчук протянул талончик.

– Улица, – сказал водитель, рассмотрев документ. – Название у нее такое – Набережная.

А на самом деле находится от моря в пяти кварталах. Вроде шутка юмора.

– А гостиница «Приморская» находится километрах в пяти от моря, – подхватил Гринчук. – Тоже как бы шутейно...

– А гостиница «Приморская» находится почти на самой набережной, – сказал водитель. – На той, что не улица, а набережная.

– Чудовищная архитектура, – вздохнул Гринчук и неопределенно махнул рукой, – поехали.

И они поехали. Водитель, правда, не отказал себе в удовольствии, проезжая мимо «вольвы» сыграть на клаксоне что-то обидное.

– Чего так? – поинтересовался Гринчук.

– Понимаешь, – сказал водитель, – машина, она, конечно, штука железная, но не виновата, что досталась такому козлу. Уперся, баран, глазами в двигатель, как в новые ворота. И гипнотизирует. Я ему говорю, машина, блин, не заводится только в двух случаях – если нечему гореть и если нечем поджечь. В общем. А он, бычара, ни мычит, ни телится. Хоть бы клемму пошевелил, что ли. Послал только своего друзана за мастером.

– Нечему гореть или нечем поджечь... – задумчиво повторил Гринчук. – Философский факультет где заканчивал?

– Чего?

– Типа, конкретно сказал, – Гринчук изобразил на лице восхищение, – глубоко.

Водитель промолчал. Станный пассажир попался сегодня. И баба его... И сам. Не поймешь, прикалывается или правду говорит. Ну и хрен с ним, решил водитель. Лишь бы бабки заплатил.

– А давай я тебе бабки заплачу, – сказал неожиданно предложил Гринчук и вынул из барсетки толстую «котлету» баксов. – А то ты, смотрю, заскучал... И меня возле этого фотомателе подожди, поедem в гостиницу. Вначале заскочим за цветами, а потом – в гостиницу. И где тут у вас вино можно хорошее купить? Не крашеный спирт, а вино. Сделаешь?

Водитель кивнул.

Гринчук щелкнул пальцами и с довольной улыбкой вышел из машины. Подошел к бывшему газетному киоску, а ныне пункту выдачи фотографий.

Даже снаружи было жарко. Жестяные стены киоска источали накопленный за день жар. Гринчук мельком глянул в окошечко на паренька и торопливо отвернулся. Лопухий, бледный и потный. Почему все коренные жители курортных городов обычно бледные, подумал Гринчук.

В обмен на талон и деньги, паренек выдал Гринчуку увесистый конверт с фотографиями. Слабо улыбнулся, когда Гринчук сунул ему купюру «на мороженое».

Гринчук вернулся в машину.

– За цветами? – спросил водитель.

– И за вином, – снова улыбнулся Гринчук.

Он держал конверт с фотографиями в руке, словно взвешивал, прикидывая, сейчас его открыть, или отложить на потом.

Можно, конечно, сейчас. Даже уместно. Фотографии жены. И водиле показать. Типа...

Гринчук закрыл глаза.

Спокойно, Юра. Спокойно, гражданин Зеленый, как именуют вас некоторые особо приближенные. И не особо приближенные также. Вы приехали на юг, к любимой женщине. Почти к жене. Вы с ней немного повздорили перед отъездом. Обиделась на тебя за то, что ты не смог выехать с ней, а остался решать вопросы с Михаилом. И она решила тебя наказать. А ты сейчас приехал, и терпеливо выполняешь все ее задания. Ты хочешь, чтобы она вышла за тебя замуж. Это – главное. А то, что тебя несколько часов назад пытались убить, что ты стрелял в человека и даже продырявил ему плечо – это лирика. Это последствия твоего образа жизни. Ты слишком многим отдавал ноги. И слишком поздно понял, что нужно выходить из игры. Хорошо еще, что удалось отделаться так, относительно легко. Подумаешь – нападение трех парней на дороге, закончившееся всего одним раненым и одной утопленной машиной. Твоей, между прочим, машиной.

Парни оказались понятливые, черту под прениями подвели жирную. И Мастеру сообщено, что так талантливо кинувший его мент лежит на дне моря в дырчатой железной штучке, ранее бывшей автомобилем.

Мастер на несколько часов успокоен. Родное начальство... Бывшее начальство, поправил себя Гринчук, вспомнив, как шикарно отдал Полковнику свое удостоверение. Бывшее родное начальство... Родное бывшее начальство – проинформировано в нужных пределах. Оно знает, что бывший подполковник милиции жив, хотя и числится в покойниках. Об этом позаботился прапорщик Бортнев, он же – Браток, бывший конкретный пацан, воспользовавшийся шансом изменить жизнь.

Всё выглядит нормально. Даже если внимательно покопаться. Гринчук честно хотел выйти из игры. Честно вывел из нее всех, кого мог, расплатившись по всем долгам, по которым смог... Не мог же он знать, что в самый последний день перед отъездом на юга, Мишку снова шандарахнет этот его приступ, и что придется вывозить его из города, с забинтованным лицом. Перевернувшийся «джип», текущая из радиатора вода и цветы, рассыпавшиеся по салону машины, цветы, которые Мишка вез для Инги... Инга...

Гринчук мотнул головой.

Кто-то поверит, что Инга случайно выбрала Приморск? Не Сочи с Ялтой, не Турцию с Болгарией, а этот долбанный город, в котором вы оставите свою душу... Поверят? Нет?

А какая, к хренам собачьим, разница? Важно то, что Инга выбрала из всех возможных вариантов – наихудший. И что должен был делать бывший подполковник милиции Юрий Иванович Гринчук, узнав, что его Инга отправилась именно в тот город, в который так старательно подталкивали Гринчука, в город, из которого можно не вернуться, а можно и вернуться, но в таком виде, что...

Его подменили, сказал покойный Атаман. Съезди туда, сказал Мастер, и если тебе повезет, ты просто умрешь.

Господи, но ведь все же прекрасно понимали, что Гринчук не хотел сюда ехать.

Он Инге не говорил ничего именно потому, что не собирался заниматься этим проклятым Приморском, вернувшись из которого люди исчезают в ста метрах от своего родного дома, священники кончают жизнь самоубийством, а держатель общака начинает вести себя так, будто в него вселился бес.

– Рынок, – сказал таксист.

– Если тебе не впадлу, – Гринчук достал из бумажника деньги и протянул водиле. – Гигантский букет из лучших цветов. Будь человеком.

– А вино? – принимая деньги, напомнил таксист.

– И вино, – Гринчук протянул еще купюру. – Лучшее.

Если честно, лучшее, что может сделать Гринчук, это бросить всё и как можно быстрее найти Ингу, сунуть ее в эту же машину и быстро-быстро уехать подальше. Она и так уже несколько дней в городе, из которого многие не возвращались.

Но Гринчук, во-первых, до последнего момента не знал, где именно она остановилась. Не знал. Откуда он мог это знать? Только вот сейчас нашел в письме карточку. И, во-вторых, если он сейчас начнет суетиться, то может случайно... Нет, тут нужно – и это поймет каждый – нужно действовать осторожно. Не привлекая внимания.

Приехал – красиво приехал – с цветами и вином. Выпили, закусили и осторожно исчезли. Бросить на фиг все вещи, арендовать катер, приставить нож к горлу рулевого и свалить по морям – по волнам подальше от этого странного и страшного, если честно, места. А пока – пока нужно вести себя очень естественно и не привлекать внимания.

Таксист сложил букет на заднее сидение, сунул Гринчуку в руки темную бутылку без этикетки и сел за руль.

– Теперь – в «Приморскую»?

– В «Приморскую», – согласился Гринчук.

Сдачу таксист не предлагал. Это свидетельствовало о том, что свою роль Гринчук пока играет хорошо.

И всё будет хорошо, пообещал себе Гринчук мысленно. Всё будет замечательно. Сейчас мы подъедем к гостинице, водила предложит, если что, обращаться за транспортными услугами к нему. Гринчук согласится, пообещает, что кататься они будут долго и часто. Потом Гринчук зайдет с цветами и вином в номер... И все будет нормально. Все будет нормально.

– Если что – звони, – сказал водитель, протягивая визитку. – Отвезу в лучшем виде.

– Нет вопросов, – сказал Гринчук, выбираясь из машины.

Выглядел он как человек, уверенный в том, что все будет замечательно. Что жизнь прекрасна. И если кто-то обратит на него внимание, подумал Гринчук, то, самое большее, вспомнит старую поговорку о том, что человек полагает, а господь...

Ашот Микаэлович Мирзоян, например, эту поговорку не помнил. Вернее, помнил, но лежала она у него в памяти рядом с тригонометрическими формулами, вбитыми когда-то преподавателем математики.

То есть, вспомнить Ашотик их мог, но пользоваться... Кто-то когда-то видел человека, пользующегося в обычной жизни тригонометрическими формулами? Ашотик деньгами пользовался, связями пользовался, успехом у женщин пользовался, а тригонометрическими формулами – нет. И, как показала практика, особого дискомфорта при этом не испытывал.

Сейчас он сидел в кресле лучшего номера лучшей местной гостиницы и мелкими глотками пил очень неплохое вино. В ванной принимала душ лучшая из женщин, которых он встретил в этом городе. На кровати была чистая постель, кондиционер гнал прохладный воздух с ароматом роз... Что еще для счастья нужно? Ашотик даже предупредил горничную, чтобы никто не смел мешать его отдыху.

Жизнь была хороша и обещала быть прекрасной в течение ближайших нескольких часов. Ашотик так полагал.

Горничная полагала, что дежурство, как всегда, пройдет нормально. У них в гостинице все дежурства проходили нормально. Всякая босота к ним поселиться не могла ввиду высоких цен, если же кто-то из клиентов начинал слишком много себе позволять, то им занималось местное секьюрити, а если по какой-то причине ребята не справлялись, то в срочном порядке прибывали менты. И никаких проблем.

А выбитые стекла или там случайно поврежденная мебель... Все всегда решалось нормально. В гостинице был Хозяин. И это главное. И в городе есть Хозяин – это тоже важно. Есть Хозяин – есть порядок. Есть порядок – не может быть неожиданностей.

Горничная так полагала.

Когда мимо нее прошел гигантский букет роз, горничная особо этим не заинтересовалась. Никто не запрещает клиентам чудить. А кроме того, воры с цветами не ходят. А если даже и ходят, то им нужно иметь электронный ключ. А если они даже вскроют дверь и что-то украдут, то лично горничная им не позавидовала бы. Лет пять назад был последний случай. У них в городе не принято мешать людям тратить деньги.

Ашотик, увидев, что дверь номера открывается, подумал, что это горничная... что именно – горничная, Ашотик подумать не успел. Появился букет роз.

Ашотик усмехнулся, подумал, что горничная решила немного заработать и приволокла цветы. Молодец, подумал Ашотик и встал с кресла.

Но из-за цветов выглянула не горничная, а молодой мужчина, лет тридцати пяти.

– З-дравствуйте, – сказал Ашотик. – Вы к кому?

Ему показалось, что лицо нежданного посетителя дрогнуло.

– Это номер триста пять? – спросил гость.

– Да, – сказал Ашотик.

– Где она? – спросил мужчина.

– В душе, – внезапно охрипшим голосом сказал Ашотик.

Муж. Был у Ашотика опыт такого рода. Ашотик попятился. Главное, не делать резких движений, подумал Мирзоян.

И резко отправился к дивану.

У него просто не было выбора. Когда человека бьют ногой в грудь, то выбор у него небольшой. Если человек тяжелый, а удар сильный, то есть еще некоторые варианты, от сдавленного стога, до треска ребер. Если человек, как Ашотик, имел семьдесят килограммов веса, то полет ему был обеспечен.

– Мама, – успел вскрикнуть Ашотик, ударился спиной о диван и сполз на пол.

Цветы отлетели в сторону, а нападавший оказался возле Мирзояна и рывком поднял его с паласа. За ворот рубашки. Ткань затрещала.

– Не надо... – простонал Ашотик.

Он очень не хотел, чтобы его били. И страстно желал убедить в этом мужа своей дамы. И не находил слов. Достаточно трудно найти нужные слова, когда тебя приподнимают, сжимают в кулаке ворот твоей рубашки, замахиваются свободной рукой. Ладонью, успел заметить Ашотик. И полетел к входной двери.

Левая половина лица как-то сразу онемела. Это Мирзоян понял еще в полете. Потом входная дверь чувствительно приложилась к его спине и отправила назад, к нападавшему, имевшему очень хлесткий и резкий удар.

Ашотику, наверное, повезло. Его не ударили. Его просто оттолкнули к двери. Ашотик повернул дверную ручку. Выпал в коридор. Встал на четвереньки и быстро побежал, прихрамывая на правую руку, навстречу горничной.

– По...! – выкрикнул Ашотик, но пинок сзади не дал ему закончить, и горничная так и не поняла, просит ли жилец позвонить, помочь или еще чего.

Правда, сам факт того, что человека, живущего в самом дорогом номере гостиницы, пинками, будто консервную банку, гонят по коридору, заставил горничную схватиться за телефонную трубку и набрать простой двузначный номер.

Пока Ашотик снова взвизгнул и покатился мимо стола горничной к лестнице, горничная в двух словах описывала начальнику охраны происходящее, на шум из триста десятого номера выглянул мужик.

– Прекратите! – прижимая телефонную трубку к груди, закричала горничная.

Но агрессор не прекращал. Пинок, еще пинок, Ашотик влетел в правый нижний угол двери, и выкатился на лестничную клетку.

– Гол, – с одобрением в голосе сказал мужик из триста десятого.

Ашотик вцепился в перила мертвой хваткой и зажмурился. Лучше уж получить всё здесь, чем катиться по ступенькам. Ашотик зажмурился так крепко, что перед глазами появились какие-то всполохи и грозди созвездий.

Нужно отдать должное гостиничным секьюрити. На место происшествия они прибыли быстро. Вдвоем. Николай и Игореша. Николай в прошлом был разрядником по боксу, а Игореша и без разряда мог с одного удара сломать противнику челюсть при необходимости.

А уж вырубить урода он мог и просто так, в воспитательных целях.

Ситуация была проста и понятна. Тот, который обнимался с перилами, жил в гостинице, а, значит, был свой. Второй, наносивший ему побои, был чужим, а посему воспитывать надлежало именно его.

Ситуация была понятная, привычная и относилась к разряду простых. Вот если бы оба были жильцами... Тогда, да, тогда нужно было подумать. А здесь...

Здесь, как показала две следующих минуты, подумать тоже стоило бы. Николай, легко избежав по ступенькам, ударил драчуна.

Когда потом у горничной спрашивали, что же, собственно, произошло на лестничной клетке, она ничего не могла толком объяснить. Николай упал, потом вскочил, потом упал и потащил за собой по ступенькам Игорешу. Игореша Николая подхватил, прислонил к стене, потом достал из кармана что-то тяжелое и бросился на этого сумасшедшего, потом это что-то тяжелое вылетело сквозь двойное окно во внутренний двор гостиницы, а Игореша снес все со стола горничной и упал возле кадки с пальмой.

Воспользовавшись паузой, Ашотик вскочил на ноги и метнулся по коридору к своему номеру, рассчитывая отсидеться за его крепкой дверью. Но не успел. Новый удар бросил его в номер, затем туда влетел муж, затем – пришедший в себя Николай, затем – горничная, успевшая по телефону сообщить начальнику охраны, что есть острая необходимость в подкреплении...

Потом открылась дверь ванной и на пороге появилась обнаженная красавица. Нападавший, снова намотавший рваную уже рубаху Ашотика на левый кулак и отводивший для удара правый, оглянулся на даму и замер.

– А Инга где? – спросил нападавший.

И на лице его появилось странное выражение. Горничной даже показалось, что страх.

– Инга? – шепотом переспросил Ашотик и оглянулся на обнаженную красавицу. – Тебя как зовут?

– Надя, – кокетливо улыбнулась дама, даже не пытаясь прикрываться или стесняться.

Она была очень уверенной в себе дамой.

Рука разжалась, и Ашотик опустился на пол. Николай, сообразив, что, кажется, всё, прислонился к стене и со стоном вздохнул.

– Где Инга? – повторил свой вопрос мужчина.

В комнату влетел сам начальник охраны гостиницы «Приморская» в сопровождении четырех своих подчиненных. Горничная, на всякий случай, осторожно выскользнула в коридор. Ашотику уже было все равно. Он уже понял – вышла ошибка. Такой жизненный опыт у него также был. А тут еще начало болеть лицо. И место ему противоположное. Но главным, по мнению Ашотика, было то, что драки больше не будет.

И драки действительно не было.

Начальник охраны, Владлен Егорович Зайцев, мент на пенсии, потребовал документы. Документы были предъявлены.

– И что же вы, Гринчук Юрий Иванович, здесь себе позволяете? – самым что ни на есть ментовским тоном спросил Зайцев. – Врываетесь в чужой номер, бьете уважаемого гостя, оказываете сопротивление моим ребятам.

– Где Инга? – снова повторил Гринчук.

Он сидел в кресле, глядя перед собой и, казалось, не слышал, что именно ему говорит начальник охраны. Пострадавший сидел на диване, возле дверей стоял один из охранников, а остальные вышли. Надю, попытавшуюся собирать с пола розы, отправили в спальню на предмет набросить на себя хоть что-то. И не светить здесь голой задницей.

Надя не обиделась. С Зайцевым она была знакома давно и твердо знала, если ему вовремя отчислять проценты с заработка, то проблем не будет.

– Какая еще Инга? – Зайцев поморщился. – Вы бы, гражданин хороший, о себе подумали. Нападение, нанесение телесных повреждений, материальный ущерб, к тому же. Игнорирование моего вы, кажется, устроили сотрясение мозга. Кстати, не ожидал, что у него есть чему сотрясаться. Как на мой взгляд – у вас проблемы. Еще вломились в чужой номер...

– В свой собственный, – сказал Гринчук.

Взгляд у него, наконец, стал осмысленным, будто он принял какое-то решение.

– В свой собственный номер я, между прочим, вошел. И еще почти целый месяц он будет моим, – сказал Гринчук, и на лице его появилось подобие улыбки.

Зайцев поежился. Очень уж неприятной получилась улыбка.словно зверь показал зубы.

– С чего вы решили, что номер этот ваш? – поинтересовался Зайцев. – А мне вот кажется, что он снят вот, господином...

– Я за него заплатил, – подтвердил Ашотик, стараясь особо не двигать челюстью.

Левая половина лица наливалась багрянцем и явно пополнела.

– Простите, – снова недобро ухмыльнулся Гринчук. – Этот номер сняла моя будущая супруга. Три дня назад. Она сняла его для себя и для меня. И вот, пожалуйста, моя гостевая карточка.

Зайцев потянулся за карточкой, но Гринчук его руку отвел.

– В моих руках, – сказал Гринчук. – На всякий случай.

Карточка была похожа на настоящую так, будто действительно была настоящей. И на ней значился срок проживания. И фамилия на ней была обозначена – Гринчук. Все правильно.

Зайцев почувствовал легкое беспокойство.

– А когда вы сюда вселились? – спросил Гринчук у Ашотика.

– Вчера утром, – растерянно ответил Ашотик.

День, который обещал быть таким приятным, превращался в черт знает что. А тут еще и дама, которую он так удачно соблазнил, оказалась всего лишь проституткой. И еще оказывается, что вселился он в номер, на который кто-то претендует. Это если не вспоминать о побоях и унижениях.

– Еще у меня есть ключ, – сказал Гринчук и продемонстрировал электронный ключ. – И у меня есть вопрос. К вам, если не возражаете.

Гринчук посмотрел в глаза Зайцеву. Тот попытался взгляд выдержать. Не смог.

– Я хочу знать, – ровным голосом спросил Гринчук. – Каким образом мой номер был сдан этому господину, и где сейчас находится моя Инга. Где уже...

Голос Гринчука напрягся.

...где уже вторые сутки находится моя жена?

Зайцев кашлянул.

Хреново, подумал он. Ой, как хреново. Нужно было что-то делать. Немедленно. Пока еще инициатива не утрачена окончательно.

– Мне кажется, – Зайцев хрустнул пальцами рук, – что ваша гостевая карточка поддельна. А ключ... Мне позавчера сообщила горничная, что один из ключей был потерян. И мне кажется, что вы, уважаемый господин Гринчук, просто хотели обокрасть номер, но, натолкнувшись на жильца, решили таким образом выкрутиться из сложной ситуации. И что-то мне подсказывает, что нам с вами стоит пообщаться с милицией. Если вы, конечно, не сочтете правильным покинуть гостиницу. Нам не нужна такая слава. А с нашим жильцом мы разберемся сами. Я думаю, мы сможем уговорить его не подавать на вас заявление.

– Я... – подал голос Ашотик, но замолчал.

– И я должен сейчас быстренько выметаться... – Гринчук даже изобразил пальцами, как именно ему нужно выметаться.

– Да, – подтвердил Зайцев, демонстративно рассматривая «бермуды», золотую цепь и перстень Гринчука. – Не получилось у тебя. Прикинь, а если у нас еще что-то пропало? Или пропадет... Думаешь, хозяин не напишет заявления? Или ты хочешь проверить по документам, кто здесь должен жить? Полагаешь, в документах что-то будет не так?

Даже если сейчас в документах где-то и значится баба этого Гринчука, то минут через пятнадцать все может исчезнуть. И Гринчук это должен понять. И он должен понять, что ловить ему здесь нечего и нужно отсюда сваливать, пока ему не пришли еще и кражу. А там пусть он доказывает что угодно.

– Значит, по бумагам все у вас будет нормально? – уточнил Гринчук.

– Абсолютно, – вежливо улыбнулся Зайцев.

Гринчук употребил слово «будет», а это значило, что он все уловил.

– И никто не вспомнит, что Инга сюда приезжала?

– Какая Инга? – искренне удивился Зайцев.

Поплыл клиент, потек. Еще со времени работы в органах осталось у Зайцева чутье на такие вот моменты, когда крутой и крепкий, уверенный в своей неуязвимости мужик, вдруг понимал, что ничего ему не светит, что лучше всего сделать так, как советует мент. В такой момент Зайцеву даже казалось, что он слышит звонкий щелчок. Сломался. Вот и этот. И ведь нечего ему делать.

Даже если его баба – это еще предстоит выяснить, но уже тихо, между своими – если его баба действительно селлась здесь три дня назад, то никто из obsługi ее, естественно, не вспомнит. А если кто-то из клиентов... Ну, приходила шалава к клиенту. Вон, Надька и вспомнит соратницу по постельному фронту. Заезжую.

А то, что она там у себя была благородной дамой – на юге бабы просто с ума сходят. Классная, между прочим, версия получается. Пусть он ее попробует отбить. Карточка – поддельная. Ключ – краденый. Бабы не было. А если была – не селлась. А если кто разбираться будет, то это ребята из городской милиции. А они найдут всё как надо.

– Вы еще здесь? – удивился Зайцев, посмотрев на Гринчука.

Гринчук достал бумажник. Медленно его открыл. Увидев деньги, Зайцев усмехнулся. Лох еще не понял, что деньгами здесь он себе не поможет. Такие ситуации лучше всего решать однозначно.

– Не скайся, – сказал Гринчук, – башлять я тебе не собираюсь.

Зайцев почувствовал, как по скулам у него забегали иголки. Неправильную тактику избрал клиент. Совсем неправильную. Ему бы сейчас ласковым быть и вежливым. Интересы гостиницы, конечно, в первую очередь, но если козел не понимает...

– Знаешь, что это такое? – спросил Гринчук, вытаскивая из бумажника пластиковую карточку. – Знаешь? Правильно, это кредитная карточка. Такая же карточка была у моей женщины. И платила она деньгами с карточки, я это точно знаю. Цифра там получалась большая за номер, таких бабок Инга с собой наличкой предпочитает не возить. Еще не въехал?

Зайцев почувствовал, как что-то холодное поползло по желудку. Классный план идет ко всем чертям. Операция зафиксирована в банке. И отмазаться не получится. Не получится. Надо что-то делать. Противно, но придется извиняться.

– А, может быть, вы и правы, – сказал Зайцев. – Наверняка правы. Наверное, это у нас что-то напутали. Я разберусь.

Зайцев даже улыбнулся. Понятное дело, приходит мужик к своей бабе в номер, а там такой вот хачик сидит. Ясное дело, любой дал бы в рожу. Демонстрируя всем своим видом понимание, Зайцев встал с кресла.

– Вам придется переселиться, – сказал Зайцев Ашотику. – Извините за неудобства. Мы примем все меры.

И снова Гринчуку:

– В номере сейчас приберут, восстановят, так сказать, порядок...

– Где моя жена? – Гринчук тоже встал с кресла. – Каким образом моя жена исчезла из гостиницы, и никто ничего не попытался выяснить? У вас исчезает жилец...

– Что значит – исчезает? – Зайцев пожал плечами. – Уехала. Сбежала с другим, в конце концов. Мы не отвечаем за моральный облик жильцов. Жилищ. И за их поведение. И если они, заплатив за месяц, уезжают через три дня...

– Она что – оформила свой отъезд?

– А почему нет? Или просто взяла вещи и уехала.

– Вот так, значит, – медленно произнес Гринчук. – Значит – уехала. Просто взяла и уехала. И вы обнаружите в бумагах, что она выписалась...

– Оставила вписанным вас. Так что – решайте сами свои личные вопросы. Позвоните ей по телефону, – Зайцев развел руками. – Ничем больше я вам не могу помочь.

Гринчук, словно спохватившись, медленно достал из барсетки телефон. Нажал кнопку, поднес телефон к уху. Он ждал ответа почти минуту. А Зайцев зачем-то стоял и смотрел на него. Надеялся, что сейчас взбалмошная баба отзовется по телефону и объяснит своему ненормальному, куда подевалась из номера.

– Ало, – сказал Гринчук. – Инга? Инга?

Открылась дверь спальни и на пороге появилась Надежда.

– Тут чей-то мобильник в шкафу звонит, – сказала Надя, протягивая телефон.

Зайцев взял телефон, поднес к уху, стараясь не смотреть на Гринчука.

– Что слушаешь? – спросил Гринчук, и Зайцев услышал его голос в телефоне. – Что, так непонятно? Уехала, говоришь?

– Выехала, говоришь? – в голосе Гринчука читалась уже явная угроза, будто он уже дошел до крайности и больше не собирался терпеть. – И по бумагам, говоришь, все будет нормально?

– Забыла, – пробормотал Зайцев, бросая телефон на диван. – Так спешила к своему трахалю, что забыла.

– К трахалю? – тихо переспросил Гринчук.

Зайцев попятился.

– Сбежала, говоришь?

* * *

– И чем, по-вашему, сейчас может заниматься Гринчук? – спросил Виктор Родионыч.

Полковник, которому вопрос был адресован, посмотрел зачем-то в окно, откашлялся и промолчал.

– Вот вы молчите, – недовольным тоном заметил Владимир Родионыч, – а там, на Юге, происходит нечто такое, что может и мне и вам стоить очень дорого. Со мной разговаривали таким тоном, что хотелось врезать...

Полковник снова кашлянул.

– Хотелось, – упрямо повторил Владимир Родионыч. – Мне что, уже и хотеться рукоприкладства уже не может? Я прямо видел, как размахиваюсь...

Полковник взял с письменного стола карандаш и стал его внимательно рассматривать.

Владимир Родионыч откинулся на спинку кресла.

– Ну? – не отрывая взгляда от карандаша, спросил Полковник. – И что вы захотели сделать после того, как вам захотелось ударить наглецов по лицу? Я, кстати, даже не спрашиваю, кого именно представляли те господа, которые позволили себе так с вами разговаривать, что вы захотели отхлестать их по щеках.

– Кам, – сказал Владимир Родионыч.

– Простите?

– Кам. Не по щеках, а по щекам. И я бы попросил вас...

– А то у вас снова появится желание впасть в рукоприкладство, – Полковник улыбнулся и положил карандаш на место. – Я понимаю, что вы расстроены, я даже готов вам посочувствовать, но...

– Вы все еще полагаете, что я вас хотел подставить с этим Приморском. И вы на меня все еще в обиде? – Владимир Родионыч пожал плечами.

Действительно обида – такое странное чувство для людей их круга. Тоже мне – гимназистка обидчивая.

– В конце концов, – сказал Владимир Родионыч, – ничего особо страшного пока не произошло. Просто кто-то расстрелял машину Гринчука в нескольких километрах от Приморска. Обнаружив в машине документы на имя Юрия Ивановича, тамошние менты решили, что он погиб и сообщили об этом нам в город. Не знаю, что именно там произошло, но Гринчук жив и здоров. Что вам еще нужно?

– Ничего. Представьте себе – совершенно ничего, – Полковник развел руками, демонстрируя это самое ничего. – Я бы даже мог спокойно отправиться на дачу, отключить телефоны и отдыхать так недели две. Или даже три. Или я давно хотел съездить в Австралию. К кенгуру.

– И что же вас останавливает?

– Любопытство. Честное слово, только любопытство. Что там произойдет, в Приморске? Что дальше будет делать Юрий Иванович? И что собралось делать наши родные городские бандиты в связи с этим, – Полковник изобразил спокойную, даже милую улыбку, не замечая, что пальцы его правой руки что-то выстукивают по крышке стола.

– Бандиты? – переспросил Владимир Родионыч.

– Именно. Вы знаете, что произошло, когда пришла информация с Юга?

* * *

Если бы Полковник хотел быть совсем точным в формулировках, то он сказал бы «что могло произойти». Могло, если бы не вмешался Полковник и мудрый Али.

Если бы они не вмешались – вот тогда бы могло произойти всё что угодно.

Неожиданно для всех и, возможно, для себя самих, городские авторитеты на известия о смерти Гринчука отреагировали остро.

То есть, это как где-то на Юге убили Зеленого? Это, типа, как они посмели? Это, значит, в родном городе его уважали, а там, на курорте, убили?

Мастер, сука, высказал общее мнение Абрек. Мастер, тварь, заказал Гринчука. Не простил, сучара, того, что Зеленый его спалил. Нужно отправить пацанов туда, чтобы они пошуровали, выяснили, кто именно работал, и...

* * *

– Естественно, мы их туда не пустили, – сказал Полковник. – Вплоть до того, что предупредили о... как бы это мягче выразиться... о возможных физических мерах воздействия. Не хватало еще начала боевых действий в запретном районе.

– И вот из всего этого очень логично и последовательно vyplывает мой вопрос – что там собирается делать Гринчук? – Владимир Родионыч потер переносицу. – Я так понимаю, что версию о случайности всего происходящего мы отбросим сразу?

– О случайности? – переспросил Полковник. – Не знаю. Гринчук слишком долго выигрывал у судьбы. По теории вероятности...

– Вы еще начните мне рассказывать о теории вероятности, – отмахнулся Владимир Родионыч. – Если там и вправду все произошло случайно – случайно все и закончится. Но если вдруг окажется, что за ниточки там дергает Гринчук...

Полковник задумчиво покачал головой.

Тут, наверно, Владимир Родионыч прав. Слишком много случайностей.

Нет, никто не будет спорить – случайности получились очень случайными на вид. Добротные, эдакие эталонные случайности. Инга не знала, что вокруг Приморска кипят такие страсти, и уехала на Юг. Никто не мог предположить, что у Михаила случиться приступ, что Инга...

Даже Полковник, уставший попадаться на удочку Гринчука, снова поверил. Но... Случайностей было слишком много. Слишком.

Что могло заставить Гринчука вести себя именно так, а не иначе?

– А почему мы, кстати, решили, что все происходящее с Гринчуком происходит из Приморска? – вдруг спросил Владимир Родионыч. – Машину расстреляли возле Приморска, а не в нем. И Гринчук решил немного побыть мертвым только для того, чтобы успеть забрать Ингу из какого-нибудь пансионата и погрузиться на корабль. Возможно, следующий за кордон. Нет?

Полковник чуть улыбнулся.

– Отчего это вы улыбаетесь? – Владимир Родионыч прищурившись посмотрел на Полковника. – Вы же сами сказали, что свои деньги, эти наши с вами замечательные четыре миллиона долларов, которые честно заработал Гринчук прошлой зимой, он со своего счета снял. Вот и представьте себе, что он деньги перевел за кордон.

Деньги, подумал Полковник. Деньги. За кордон. Вот ведь...

– ... полагаете?

– Что? – переспросил Полковник.

– Что вы полагаете по этому поводу? Четыре миллиона...

– Шесть, – сказал Полковник. – Если точно – шесть миллионов триста восемьдесят пять тысяч. Долларов.

– Это откуда? – удивился Владимир Родионыч. – Мы ведь...

– Мы ему дали тогда четыре миллиона, – подтвердил Полковник. – Но он их вложил в... В общем, за первый квартал этого года, Гринчук увеличил свой капитал на два с лишним миллиона.

Вот ведь дьявол, подумал Полковник. Черт. А он сам нес ей чемоданы. Помогал.

– У вас что, сердце? – спросил Владимир Родионыч, увидев, как бледнеет собеседник.

– Он обналичил деньги, – сказал Полковник. – Он тупо превратил свои активы в наличные. И денежки эти вывезла из города Инга. А должен был вывезти Михаил. Но не сложилось. Не повезло. А Гринчук не такой человек, чтобы не готовить запасной план. Вот Инга и увезла. Сейчас они, наверное, уже погрузились на яхту и ушли, как вы верно выразились, за кордон. Старый я идиот.

Он-то думал, что Гринчук снял деньги, чтобы обезопасить их. Вывести из-под возможного удара. А все так просто и банально.

Замыслил он побег.

– И ведь что показательно, – засмеялся Владимир Родионыч. – Мы снова послушно искали не в том направлении. Мы с вами честно полагали, что наш неподкупный Юрий Иванович продолжает там как-то бороться за справедливость. А он ушел сквозь Приморск, как сквозь огонь, отрезав возможную погоню. Нам ведь в Приморск соваться не велено. Единственное, по сути, место, где он мог оторваться от любого хвоста.

Мог, подумал Полковник. Мог также нанять местного жителя, чтобы тот поездил за ним на машине, дабы испугать свидетеля. Тот, кстати, только видел догоняющую машину и слышал стрельбу. Сброшенная в море машина, несколько часов форы, и – свобода.

Красиво. Интересно, насколько эта красота соответствует действительности. Полковник, спохватившись, достал из кармана мобильный телефон, набрал номер. Когда Полковник задал в телефон вопрос, Владимир Родионыч еле заметно усмехнулся. Когда Полковник телефон выключил и сообщил полученный ответ Владимиру Родионычу, тот глубоко вздохнул, будто собирался рассмеяться, но сдержался в последний момент.

Вот так в жизни всегда. Всё, что кажется сложным – на самом деле решается очень просто. Они долго ломали головы, куда именно мог двинуться Гринчук. А достаточно было всего лишь поинтересоваться, где Инга использовала свою кредитную карточку.

Все-таки Приморск.

Это теперь понятно. Непонятно, случайно, или всё так на самом деле. Если Инга действительно уехала на Юг с деньгами, то привезла ли она их в Приморск?

Привезла, подумал Полковник. Опять-таки, слежка за ней в Приморск не пошла бы. Не велено. Красиво, подумал Владимир Родионыч. Ушел красиво.

Сейчас он, наверное...

* * *

– Вы думаете, что вот сейчас все прямо начнут перед вами танцы танцевать? – спросил капитан милиции Стоянов у Гринчука. – Вы... э-э...

Стоянов заглянул в паспорт Гринчука:

– Вы, Юрий Иванович, полагаете, что раз в гостинице произошло недоразумение, то вы можете размахивать направо и налево руками? И даже оказывать сопротивление сотрудникам милиции?

Гринчук задумчиво посмотрел на свои руки, скованные наручниками. Хорошо хоть застегнули спереди, а не за спиной. Так можно время от времени вытирать кровь, выступающую из разбитой губы.

Нужно отдать должное местным ментам – в гостиницу они прибыли быстро и с разъяренным жильцом справились четко. Четыре сержанта при резиновых палках нашли аргументы, чтобы успокоить Гринчука.

– Так что будем делать? – спросил Стоянов.

Кабинет был чистенький, работал кондиционер, капитан на стуле сидел свободно, закинув ногу за ногу. И рубашечка его, и светлые брючки были идеально отглажены. Светлые туфли – безукоризненны. Не мент, а загляденье.

Выражение лица самое доброжелательное, а голос – вежливый и участливый.

Гринчук в который раз языком ошупал зубы. Все нормально. Все целое.

– Наручники снимите, – сказал Гринчук.

– Всенепременно, – кивнул Стоянов. – Как только, так сразу. Вот только вы... э-э...

– Юрий Иванович, – подсказал Гринчук.

– Именно, Юрий Иванович, – кивнул Стоянов. – Как только вы мне все объясните, так сразу...

– Я уже раз десять вам все объяснял...

– Не десять, а всего лишь пять, – улыбнулся Стоянов. – И я так и не понял – вы хотите подать заявление о чем? О том, что гостиница поселила в оплаченный вами номер постороннего, или о том, что ваша будущая супруга куда-то исчезла?

Гринчук помолчал, закрыв глаза. Хрен они примут у него заявления. Заявлять о пропаже человека только исходя из того, что Инга куда-то уехала, забрав вещи? Так он даже и не родственник ей. Так, будущий муж.

Это прекрасно понимал и капитан Стоянов. И, похоже, ему сейчас очень нравилось, что судьба Гринчука почти полностью зависит от решения капитана Стоянова.

– Мы очень не любим здесь скандалов и суеты, – сказал Стоянов. – Мы предпочитаем, чтобы отдыхающие оставляли здесь свои деньги с удовольствием. Тихо и мирно. Я, пожалуй, смогу уговорить господина Зайцева и руководство гостиницы «Приморская» не выдвигать против вас каких-либо обвинений. А вы тихонько заберете свои вещи и уедете из нашего города. Мы даже подвезем вас до самого вокзала. А вдруг ваша экстравагантная подруга просто взяла и уехала домой? Вот вы езжайте туда, все выясните... А уж потом...

Гринчук задумчиво посмотрел на наручники. Можно было бы, конечно, сделать самодовольную улыбку капитана не такой самодовольной, но, пожалуй, драк на сегодня достаточно.

Достаточно.

– Ну так как? – спросил Стоянов. – У нас ведь не столица, у нас всё просто. Сегодня мы примем заявления, через пару дней передадим все в суд. И получите вы, Юрий Иванович, максимум из возможного. Не верите?

– Верю, – кивнул Гринчук.

– Согласны? – спросил Стоянов.

– Да, – кивнул Гринчук.

– Вот и славненько, – Стоянов даже потер руки от удовольствия. – Машина ждет.

Машина действительно ждала. И, как ни странно, эта была та самая машина, которая доставила Гринчука в город.

– Быстро ты, – сказал водитель.

– Я вообще – быстрый, – усмехнулся Гринчук.

Севший на переднее сидение прапорщик, коротко приказал двигаться к гостинице, молча сопроводил Гринчука в номер и обратно, с вещами, к машине. Какой-то прохожий случайно сфотографировал Гринчука, выходящего из гостиницы.

Гринчук молчал.

Когда машина остановилась возле милицейского поста на выезде из города, прапорщик вышел из машины и жестом приказал ей следовать дальше.

И тут Гринчук вроде как спохватился.

– Секундочку, – сказал Гринчук водителю и вышел из машины.

Солнце уже село, но дорога освещалась фонарями, а тут еще и прожектор на крыше поста. И то, как лицо прапорщика приобрело неодобрительное выражение, было видно хорошо.

Водитель шмыгнул носом и оглянулся. Это для приезжего идиота прапорщик – просто прапорщик. А для местных – это сволочь с говорящей кличкой Терминатор.

И нужно было подобрать у вокзала именно этого фраера... Деньги, понятно, он заплатил хорошие, но теперь за них же придется ехать в обратный рейс. Лучше бы он не дергался.

– Вернитесь в машину, – сказал прапорщик.

– Ага, – кивнул Гринчук. – Тут только вот...

Он что-то достал из потайного кармана барсетки и протянул прапорщику.

– Что это там? – лениво поинтересовался Терминатор.

Приезжий явно не понимал, в каком городе находится. Если прапорщик получил приказ доставить несостоявшегося курортника на вокзал, то курортник не сможет...

Твою мать, подумал Терминатор, разглядев, что именно ему показывает курортник.

– Это... – сказал прапорщик и почесал в затылке.

Вышедший из здания поста сержант также поинтересовался, мгновенно поскущел и ушел куда-то за угол.

– Пожалуй, – сказал Гринчук, – все-таки вернусь в гостиницу.

– Но... – прапорщик имел приказ, но приказ этот касался загулявшего курортника, а не подполковника милиции.

Гринчук спрятал удостоверение назад в барсетку и спросил у прапорщика:

– Вас, товарищ прапорщик, в город подвезти? Нет? Ну и, слава богу.

Гринчук сел в машину и похлопал водителя по плечу.

– Поехали?

Водитель посмотрел на Терминатора. Тот оглянулся на город, словно что-то прикидывая. Достал из кармана мобильник.

– Поехали, – сказал Гринчук водителю. – Если что – скажешь – подполковник Гринчук приказал.

В зеркало водитель видел, как Терминатор что-то говорит в телефон, энергично отмахивая левой рукой. Но требовать остановиться прапорщик не стал. И это водителя успокоило.

Возле гостиницы он пробормотал в ответ на прощание Гринчука что-то сквозь зубы и быстро уехал.

А на крыльце гостиницы Гринчука уже ждали.

– Пройдемте, пожалуйста, – сказал капитан Стоянов.

– Никогда, – ответил Гринчук. – Вы, товарищ капитан, можете идти на все четыре стороны. Вот если в вашем городке найдется кто-нибудь от подполковника и выше, то я с удовольствием...

– Найдется, – сказал подтянутый мужчина лет сорока, стоявший чуть в стороне.

Он вынул удостоверение и показал его Гринчуку.

– Очень рад познакомиться, – почти искренне улыбнулся Гринчук. – Вас, подполковник Сергеев, похоже, оторвали от чего-то важного.

Подполковник Сергеев на улыбку не ответил.

Начальника городского отделения подполковника Сергеева оторвали от праздничного стола у Валентина Петровича Грибачева, испортив настроение второй раз подряд.

Вернее, если быть точным, не дали к застолью вернуться. Разговор с зарвавшимся мэром несколько затянулся. Пришлось потрудиться, пока было достигнуто соглашение по совместной эксплуатации Валентина Петровича. И только Анатолий Иванович собрался вернуться к столу, как позвонил Стоянов, которому, соответственно, перезвонил Терминатор.

Ладно, подумал Сергеев, придется пообщаться с приезжим подполковником. Не первый раз приезжие полагают, что их звания в городе что-то значат. В конце концов, подполковник в отпуске мало чем отличается от обычного отдыхающего.

– Поедем ко мне? – спросил Сергеев.

– А давайте поднимемся ко мне в номер, – предложил Гринчук. – Поболтаем немного. В неофициальной обстановке.

Сергеев задумался. Какая, впрочем, разница? Поговорить, пока будет собираться информация, можно и в номере. А уж потом...

* * *

Потом было всякое.

Вначале Стоянов связался с родным областным управлением Гринчука. Можно было, конечно, поручить это кому-нибудь другому, но Шеф приказал всё сделать лично.

Дозвонившись до дежурного, Стоянов испытал почти такой же шок, как и дежурный. Дежурный, переспросив, по какому именно поводу звонит Стоянов, поперхнулся, переспросил еще раз и только тогда сообщил, что по его, дежурного, информации, во-первых, подполковник Гринчук ушел несколько месяцев назад на пенсию по выслуге лет, а, во-вторых, по информации, полученной несколько часов назад, Юрий Иванович Гринчук погиб. Кстати, в нескольких километрах от Приморска.

Стоянов поверил не сразу. Он попросил срочно переслать фотографию того подполковника Гринчука, который ушел на пенсию и, соответственно, погиб. Дежурный фотографию переслал и, услышав по телефону, что, судя по всему, в Приморске тот самый Гринчук, попрощался и принялся обзванивать всех своих знакомых. Оставшийся в живых Гринчук был почти такой же сенсацией, как и Гринчук убитый.

Где-то около полуночи информация дошла до уснувшего, было, Владимира Родионича. Тот ее внимательно выслушал и, мстительно улыбнувшись, набрал номер Полковника. Но тот не спал. Более того, он попросил у Владимира Родионича немедленной аудиенции. В виду открывшихся обстоятельств.

Об этих обстоятельствах ему сообщил Али, к которому эти обстоятельства пришли и открылись всего полчаса назад.

Али слыл человеком невозмутимым. Некоторые так вообще полагали, что у Али нервов нет совсем. Но, увидев на своем пороге этого человека, Али на несколько секунд потерял дар речи.

На пороге стоял Лёвчик, бывший экономический советник Мастера. Само по себе появление человека, замешанного в исчезновении общака, было событием неординарным. Но то, что этот человек сообщил, выходило за все и всяческие рамки.

* * *

– Что вы сказали? – переспросил Владимир Родионич.

– Повторяю, – сказал Полковник. – По словам Лёвчика, вовсе не Мастер умыкнул общаковские деньги. А унес их некто Гринчук, Юрий Иванович. А самого Лёвчика он вывез из города под видом пострадавшего в аварии Михаила. И все это время содержал в клинике, потчует историями о том, как уголовники порвут Лёвчика в клочья, когда всплывет вся эта история. И только вот несколько часов назад Лёвчика просто вытолкали из клиники. У него еще хватило ума не звонить, а прийти к Али лично. Али просит нас куда-нибудь спрятать несчастного. До лучших времен.

– То есть, Мастера собирались убить совершенно безосновательно, – уточнил Владимир Родионич. – Весь этот кризис был создан лично Гринчуком, для того, чтобы еще денег срубить перед уходом?

– Выходит, что так, – согласился Полковник. – А ведь казался таким честным и неподкупным человеком.

Полковник поцокал языком и покачал неодобрительно головой.

– Прекратите паясничать! – Владимир Родионыч повысил голос. – Вы понимаете, что теперь ваши любимые бандиты потребуют вернуть деньги, предоставить Зеленого и не вмешиваться, пока они будут его убивать.

– Ну... – протянул Полковник. – Он ведь, официально, убит. А пока все раскачаются и вдосталь накричатся, он уже будет...

– В кутузке он будет, наш с вами любимый персонаж, – Владимир Родионыч хлопнул ладонью по столу и поморщился от боли. – За драку будет сидеть и за подделку служебного удостоверения.

– То есть? – не понял Полковник.

– А то, что он ввязался в какую-то драку с милицией и предъявил им удостоверение сотрудника милиции. Не пенсионное, заметьте, а действующего сотрудника. И сделал он это, знаете где?

– В Приморске, – тихо сказал Полковник, надеясь, что ошибается, и, понимая, что надежде этой не суждено сбыться.

– В Приморске, – подтвердил Владимир Родионыч. – И там уже получили информацию, что Юрий Иванович на пенсии. И что теперь там произойдет, не известно никому.

Глава 2

В Приморске, как и в любом другом курортном городе, спать ложились поздно.

Нет, естественно, никто не принуждал людей полуночничать, но курорт – всегда курорт, хочется, знаете ли, после дневной жары насладиться ночной прохладой и вкусить прелестей курортной жизни. Но это – личное желание каждого.

А вот у горничной гостиницы «Приморская», селившей в чужой номер пострадавшего Мирзояна, никто не спрашивал, хочет она спать или нет. Ее просто вызвали в комнату без окон в подвале гостиницы, усадили на табурет и стали задавать вопросы. Вопросы задавал капитан Стоянов, человек, в общем, знакомый. Но...

Пока Стоянов очень вежливо задавал вопросы, в углу комнаты стоял Терминатор и, от нечего делать, похлопывал резиновой палкой по ладони. И это горничную очень беспокоило. Местные жители Терминатора не то, чтобы ненавидели, но – опасались. На всякий случай.

И присутствие прапорщика заставляло горничную отвечать на вопросы капитана с торопливой готовностью.

Стоянов слушал и улыбался. Кивал одобрительно. Ему тоже хотелось спать, но он понимал, что спать этой ночью, скорее всего, не придется.

Начальство приказало разобраться.

Само оно, начальство, тоже не спало. Подполковник Сергеев беседовал в номере с этим странным Гринчуком.

Информацию о пенсии и смерти курортника подполковник выслушал молча. Стоянов докладывал тихо, на ухо, стояли они вместе с Сергеевым в коридоре, так, что Гринчук слышать не мог.

Вот тогда в глазах Сергеева появился тот странный огонек, которого знающие люди очень опасались. Просто беседой Гринчук не отделается, понял Стоянов. Вначале с ним вдоволь наиграются, а потом...

Прикидывать, что будет потом, Стоянов не стал. У него было много работы на ночь. Это было понятно, несмотря на то, что вопрос, который задал Сергеев был очень простой – кто приказал заселять в номер постороннего.

Очень простой вопрос.

Вопросы, которые сам подполковник собирался выяснить у приезжего, было гораздо сложнее.

– Так вы приехали за своей будущей супругой? – повторил Сергеев, прогуливаясь по комнате.

Сидеть на диване рядом с допрашиваемым ему как-то не нравилось, а в кресле... Попробуй-ка вскочи с мягкого кресла, если потребуется. Приходилось стоять.

Гринчук сидел на диване, вальяжно раскинувшись. Он уже явно успокоился. Во всяком случае, так мог решить всякий, знавший Гринчука не слишком хорошо.

Сергеев остановился посреди комнаты, ожидая ответа на свой вопрос. Гринчук молча улыбнулся.

В старые времена, когда капитан Гринчук еще был опером в райотделе, такой улыбки обычно хватало, чтобы вызвать вспышку начальственного гнева.

Сергеев на улыбку не отреагировал. Не подал виду.

– Вы приехали и обнаружили, опуская не нужные пока подробности, что ваша будущая супруга куда-то уехала, а в номер, несмотря ни на что, кого-то вселили... – Сергеев снова подождал, но Гринчук продолжал молча улыбаться. – Вы, придя в негодование, немного попинали несчастного жильца, избili двух служащих гостиницы...

– Трех, – сказал Гринчук, не переставая улыбаться. – Двух мальчиков и их шефа.

– Трех, – кивнул Сергеев. – Потом попытались оказать сопротивление сотрудникам милиции...

– Было, – кивнул Гринчук. – Ой, было. Но ваш сержант, тот, черненький, с родинкой на щеке, ловкий такой. Я бы с ним с удовольствием поспаринговал на досуге. Молодец.

Сергеев с удивлением понял, что ненавидит сидящего на диване мужика всей душой. Не по службе, а лично. Исходила от Гринчука какая-то угроза. Тянуло холодным сквозняком... отвращения, что ли? Брезгливость излучал улыбающийся курортник.

Захотелось врезать кулаком по чему-нибудь твердому. Сергеев спрятал руки за спину.

– И обратите внимание, – сказал Сергеев, кашлянув, – вам ведь предложили спокойно уехать. Тихо и спокойно, без конфликта. Кто вам мешал приехать домой и там возбудить дело о пропаже, тем более что вам, как подполковнику милиции, дома...

– Я думал, что мне, как подполковнику милиции, и здесь... – начал Гринчук, но Сергеев перебить себя не дал.

– Но вы не уехали. Вы почему-то вспомнили о своем удостоверении уже на блокпосту. Отчего так? Сразу показали бы корочку, обошлось бы без рассеченной губы и наручников. Поговорили бы как...

– Как подполковник с подполковником, – подхватил Гринчук.

– Вот именно, – Сергеев снова щелкнул пальцами и принялся ходить по комнате.

– Я вас очень прошу, – почти жалобным тоном попросил Гринчук, – перестаньте ходить, меня укачивает. Сядьте в кресло. Я, честное слово, не стану выпрыгивать в окно или на вас нападать. Я вообще стараюсь не бить старших офицеров. Субординация, знаете ли. Если подполковники не будут уважать подполковников, то кто их будет вообще уважать?

Сергеев остановился, взглянул на Гринчука и сел в кресло.

– Вот так, – одобрительно кивнул Гринчук. – Вот теперь мы сможем спокойно поговорить. Лицом к лицу. Почему я предъявил удостоверение только на блокпосту? Очень хотелось, во-первых, проверить некоторые свои предположения, а, во-вторых, очень хотелось жить. Меня, знаете, сегодня уже убивали...

Похоже, в глазах местного милицейского начальника что-то мелькнуло. Не пережать бы.

– Кстати, – спохватился Гринчук, – у меня тут, вроде, есть бутылка неплохого вина. Не хотите?

– Нет, – ответил Сергеев, с ужасом понимая, что теряет инициативу в разговоре, что начинает отвечать на вопросы Гринчука. – Я...

– И вы, естественно, совершенно правы, удивляясь такому моему поведению. Совершенно. Но, согласитесь, если бы вы оказались на моем месте, вы бы разве не удивились? С каких это пор в гостиницах так свободно себя ведут по отношению к обитателям люксов? Нет?

– Э-э... – Сергеев мучительно пытался составить фразу, переводящую разговор в прежнее русло, но ничего, кроме заезженного «здесь вопросы задаю я», в голову не приходило. – Здесь...

– Точно, – Гринчук хлопнул ладонью по дивану. – Здесь что-то не так. Горничная сама такого сделать не могла. Не могла. Ей нужно было получить разрешение. Ведь верно? Или такое у них здесь в порядке вещей. Исчез отдыхающий, ну и хрен с ним?

Странно, но именно так отвечала горничная на вопрос Стоянова. Ну приехала баба, ну сняла номер на себя и на мужика на месяц. Через два дня вдруг исчезла, вместе с вещами. Что, пропадать номеру? Горничная привела еще один веский, по ее мнению, аргумент, но, к ее удивлению, капитан его к сведению не принял. Капитан аккуратно вытер пот со лба своим безукоризненно-белым платком и вышел из комнаты.

Терминатор усмехнулся и подошел к горничной. За что, успела подумать горничная, прежде чем закричала.

* * *

Сергеев кричать не стал. Сергеев глубоко вздохнул и закрыл глаза.

– Вам плохо? – спросил Гринчук.

– Это вам плохо, – сказал Сергеев, открывая глаза. – Вам очень и очень плохо...

– Да? – удивился Гринчук, демонстративно ощупал себя, осторожно потрогал разбитую губу. – А я не ощущаю особого дискомфорта.

– Вам плохо, – повторил Сергеев, – а будет еще хуже.

– Цветков! – крикнул Сергеев, и в номер вошли два сержанта, дежурившие в коридоре.

Сергеев встал с дивана и щелкнул пальцами:

– Надеть на него наручники. За спину.

Гринчук терпеливо выдержал процедуру. Сергеев отпустил сержантов и снова сел в кресло.

– По-моему у вас какие-то комплексы, – серьезно сказал Гринчук. – Наручники... Это еще зачем?

– А затем, что вы, господин Гринчук, обвиняетесь в подделке документов. Для начала, – Сергеев снова щелкнул пальцами.

– Это вы когда волнуетесь, – спросил Гринчук, – всегда щелкаете пальцами? А то я смотрю – просто тарантелла какая-то получается. Или эта, Кармен. У любви как у пташки...

Сержанты мельком глянули на Сергеева, и вышли из номера.

– Мы связались с вашим областным управлением. И нам сообщили, что вы уволены из органов. Уволены! На пенсию. И у вас просто не может быть такого удостоверения, которое вы предъявили. Вы вообще, похоже, должны лежать на дне моря...

– Не с вашим счастьем, – пробормотал Гринчук.

– Что?

– Это вам по телефону сообщили?

– Да. И даже выслали фотографию. Так что...

Гринчук засмеялся.

– И что здесь смешного? – осведомился Сергеев.

– То есть, в областном управлении знают, что я не просто жив, но что нахожусь у вас. Так?

Сергеев кивнул.

– Ну, слава богу, – сказал Гринчук. – Теперь вы меня хоть не грохнете втихомолку.

– Что? – спросил Сергеев.

– Втихомолку. Не. Грохнете, – Гринчук ухитрился щелкнуть пальцами скованных за спиной рук.

Сергеев попытался усмехнуться. Не получилось.

Зато прекрасно получилось у Гринчука.

– Что вы имеете в виду...

– Ну, что имею, как говорится... – Гринчук вдруг стал серьезным. – Только не надо мне рассказывать, что я сошел с ума.

– Вы именно сошли с ума! – взорвался Сергеев. – Заявить мне, что...

– Четыре, – сказал Гринчук.

– Что – четыре? – Сергеев вскочил с кресла и подошел к дивану.

– За артистизм – четыре. Даже с минусом. Вы немного запоздали со своим возмущением. Секунды на две-три, – Гринчук снова улыбнулся. – Вот если бы сразу... При этом еще не закричали, а просто засмеялись... Тогда бы я, может быть, поверил бы. Бы. А так...

Сергеев молчал, сжимая кулаки. Молчал и Гринчук.

Молчал, между прочим, и Владлен Егорович Зайцев.

У всех молчавших были свои причины молчать, но у начальника службы безопасности причина была самой весомой – он был без сознания.

Очень немногие могут выдержать удар Терминатора. Зайцев в число этих немногих не входил. Максимум, что он смог сделать, увидев замах, это попытаться увернуться. Но не смог.

Удар швырнул его на пол. Стоянов брезгливо поморщился и посмотрел, не забрызганы ли кровью брюки или туфли. Нормально. Прапорщик взял ведро воды, стоявшее в углу, и плеснул в лицо Зайцеву. Розовые струйки воды потекли к стоку посреди комнаты.

Зайцев застонал.

– Это ты сказал, что можно селить хачика в номер той бабы? – спросил Стоянов.

Зайцев снова застонал.

– Отвечаем, быстренько отвечаем, – сказал ласковым голосом Стоянов. – А то ведь...

– Она... – выдавил из себя Зайцев, – Наташка спросила... а я... я сказал...

– А позвонить было нельзя? – поинтересовался Стоянов. – Просто набрать долбаный номер на долбаном телефоне и поинтересоваться?

* * *

– Но ты так и не ответил, – подполковник Сергеев очень не любил, когда на его вопросы не отвечают. – Зачем ты подделал документы?

Сергеев уже снова взял себя под контроль. Главное – не поддаваться на провокацию.

– То есть, мы сейчас будем обсуждать мое удостоверение, а не то, что пропал человек...

– Гринчук посмотрел в глаза Сергееву. – И обращаться друг другу на «ты», как заслуженные работники свиноводства, да, Толик?

Сергеев взгляд выдержал. Сжал кулаки, но взгляд выдержал.

– Ладно, – согласился Гринчук. – Хорошо. Давай будем говорить об удостоверении. Тебя не затруднит взять мой мобильник и звякнуть в министерство? Не затруднит?

* * *

Сержанты, стоявшие в коридоре гостиницы, ожидали услышать из номера все, что угодно. Возможно – крики. Звуки ударов. Грохот опрокидываемой мебели. Стрельбу, в конце концов. Но не смех. Громкий хохот, словно человек увидел нечто самое смешное в своей жизни. И смеялся не их начальник, а тот странный курортник, на которого они только что надели наручники.

Потом наступила тишина. Потом из номера вышел подполковник Сергеев, а курортник из номера крикнул ему вдогонку.

– Чтобы лично ты завтра к девяти был у меня в номере, – крикнул курортник.

Сержанты переглянулись. Подполковник тихо прикрыл дверь. Уронил на пол наручники. Что-то прошипел и ударил кулаком в стену. Потом еще раз.

Потом приказал сержантам идти... в общем, приказал им быть свободным. И быстрым шагом ушел. Один из сержантов на секунду задержался возле администратора и попросил направить кого-нибудь с тряпкой наверх. Кровь на стене лучше вытереть. И на ступеньки, вроде, тоже накапало.

Как бы подполковник себе руку не сломал, сказал один сержант другому, когда они вышли из гостиницы.

Подполковник руку не сломал. Он даже боли не почувствовал. А почувствовал он... Нет, не страх. Сергеев отвык уже чувствовать страх... Или даже нет, не так. Страх жил в его душе давно, страх большой, всепоглощающий... А вот угрозу... Да, угрозу подполковник почувствовал. И это было очень неприятное чувство. Нужно было всё обдумать. И взвесить.

Сергеев сел за руль своей «тойоты» и только тут заметил кровь на руке и ободранные костяшки. Несколько капель крови попало на светлые брюки. Подполковник выматерился.

Зазвонил мобильный телефон.

Сергеев обмотал разбитый кулак носовым платком, взял трубку.

Звонил мэр города, Сергей Петрович. Сергей Петрович был раздражен. И даже зол. Он надеялся, что все их недоразумения улажены, что всё можно было обсудить лично... Но Сергеев, похоже, блин, решил повоевать, мать твою так, с Сергеем Петровичем. Сергеев, траханный мент, решил, что теперь все может...

Сергея Петровича можно было понять. Ему только что сообщил директор отеля, что менты забрали горничную и начальника службы безопасности, с пристрастием допросили их в подвале и...

Сергея Петровича можно было понять, но начальник городского отделения милиции был немного не в том состоянии, чтобы понимать подобный скулеж. Начальник городского отделения милиции парой выражений прервал мэра, а потом в течение двух минут кратко обрисовал ситуацию, сложившуюся вокруг гостиницы.

Сергей Петрович помолчал.

– Нам нужно встретиться? – спросил после паузы Сергей Петрович.

– Нужно.

– Давай у меня на даче, – предложил Сергей Петрович. – Мои сегодня ночуют в городской квартире. И это...

Сергей Петрович помолчал немного. Сергеев ждал.

– Кто будет Олега приглашать? – спросил Сергей Петрович.

– Давай ты, – сказал Сергеев. – Мне тут еще нужно пару распоряжений отдать.

* * *

Машина местного милицейского начальника отъехала от гостиницы. Гринчук проводил ее взглядом и повернулся к администратору. Администратор вежливо улыбнулся. Он уже знал, кто пред ним стоит. Полагал, что знает.

– У вас ресторан работает? – спросил Гринчук.

– Конечно, – администратор презентовал обитателю лучшего номера гостиницы свою самую изысканную улыбку. – Вот, направо через вестибюль.

Гринчук посмотрел на администратора, потом на дверь.

– Бог с ним с кабаком, – махнул рукой Гринчук. – Я бы хотел пообщаться с вашим шефом секьюрити. – Его офис... или как вы там это называете... где он?

– На втором этаже, направо, но... – администратор печально развел руками, – он только что уехал.

– Ага, – кивнул Гринчук, – у него время активного отдыха с горничной.

Администратор пожал плечами.

– То есть, оба уехали? – уточнил Гринчук. – Обое?

– Отнюдь. То есть, я не уверен, что вместе, но их...

– Филфак? – спросил Гринчук.

– Иняз, – ответил администратор. – Фарси.

– Ну фарси так фарси, – разрешил Гринчук.

Можно было пойти пройтись по улицам. Можно было отправиться в кабак. Можно было вернуться в номер.

– Пойду я, пожалуй, в номер, – Гринчук потянулся, раскинув руки. – У вас очень уютный курорт.

Оставалось только понять, что делать дальше. То есть, что нужно делать, Гринчук как раз знал. Просто всё пошло как-то слишком быстро. Истерика у местного начальства должна была начаться только завтра.

Как там сказал водила? Когда нечему гореть или нечем поджечь? Гореть, похоже, здесь есть чему. Странно, что давно не полыхнуло.

* * *

– Рванет так, – сказал Сергеев, – что все вдребезги разлетится. В клочья.

Он налил себе в стакан водки и залпом выпил. Вторые полстакана за последние десять минут. Но водка проходила, будто вода, не цепляя. Сергеев сидел на высоком круглом табурете возле барной стойки и разглядывал пустой стакан.

Хозяин дачи устроился в кресле возле журнального столика.

Он не пил. Решая серьезные вопросы, он старался не пить. Решая серьезные вопросы, он старался быть спокойным и взвешенным. Его крик по телефону был только эмоциональной реакцией. Чистая эмоция, к деловому разговору отношения не имеющая.

– И ты позвонил в министерство? – спросил Сергей Петрович.

– Я не стал звонить в министерство, – ответил Сергеев. – Я внимательно посмотрел его удостоверение и предписание о проверке Приморского городского отделения милиции, подписанное самим министром. И я сравнил телефон, по которому эта сволочь предложила мне позвонить, с тем телефоном, который есть у меня для экстренной связи с министерством...

– И развели тебя, как лоха, – засмеялся Олег, сидевший на диване. – Я тебе таких документов сделаю сотню. Хочешь, интерполовское зафигачу?

Олег всегда любил пошутить над начальником городского отделения милиции. Сам он возглавлял структуру не совсем официальную. Сергееву и его подчиненным, в принципе, следовало бы заниматься именно Олегом и его структурой. В принципе.

И то, что Олег и Анатолий Иванович предпочитали возникающие недоразумения решать в личных беседах, свидетельствовало о рациональном мышлении и Анатолия Ивановича, и Олега. Предшественник Олега этого в свое время не понял – и как-то утром не проснулся. Печень, сказали, подумав, врачи.

А предшественник Анатолия Ивановича, пытавшийся перетянуть всё одеяло на себя, был переведен в министерство, а потом благополучно уволен из органов. За служебное несоответствие.

– А пошел ты, Олежек, – ласково сказал Сергеев. – Я и так чуть не попал. Прикинь – если бы он не показал свое удостоверение на блокпосту и не надумал вернуться? Что было бы?

– Ну, это понятное дело, – протянул Олег. – Вот ты бы покрутился на сковороде...

– Мы бы покрутились, – сказал мэр. – Мы все. Это мы должны понять накрепко. Или мы все выбираемся из этого дерьма, или...

Что «или» понимали все трое. Сергеев снова потянулся к бутылке, но мэр встал с кресла, отобрал бутылку и вернулся на место.

– Думать надо, – сказал мэр и поднял палец. – Что твоим сказали горничная и Зайцев?

– А что они могли сказать? – Сергеев покрутил в руках стакан и поставил его на стойку. – Они сказали, что утром в номере не оказалось ни бабы, ни вещей. Ни вещей, ни бабы. Вот они и подумали, что всё как обычно, что можно номер считать свободным.

– Но их же обычно предупреждают, – напомнил Олег. – Каждого предупреждают.

– А тут – забыли! – выкрикнул Сергеев.

Водка все-таки начинала действовать.

– Забыли предупредить, а тут появился этот армянин, который очень хотел классный номер – вот они и решили! – Сергеев стукнул перевязанным кулаком по стойке и зашипел от боли.

Олег сочувственно покачал головой.

– Но, может, она действительно уехала? – спросил мэр. – Взяла и уехала.

– Не уехала. Не уехала. На блокпосту, как ты понимаешь, мы записываем всех приезжающих. Каждого. Так вот, она въехала три дня назад. И не выезжала. Это я уже выяснить успел.

– А морем? – спросил мэр.

– А это мы будем выяснять. И дай бог, чтобы это было так!

– Ну, так сделаем, чтобы было так, – Олег засмеялся. – Трудно что ли? Что, не найдем кого-то, кто расскажет, как она в полночь, прячась за грибами, прокралась на яхту с алыми парусами... И пусть он валит в свой заветный Зурбаган!

Олег был человеком начитанным и не стыдился этого.

– Можно, – сказал Сергеев. – Конечно, можно. Я могу, конечно, организовать даже запись в книге регистрации на блокпосту. Но... Нужно чтобы он поверил, во-первых. А, во-вторых, есть один очень серьезный вопрос... И вот тут нам придется – всем придется – поработать на полную катушку. Вопрос...

– Это точно, – голос у мэра был серьезный, – нужно будет выяснить, кто это шустрит в нашем городе.

Ударение было сделано именно на «в нашем».

Кто-то позволил себе в их городе нечто, что позволено было только им троим. И сделал это не так и не с тем.

Одно дело – исчезла просто дама, приехавшая на отдых. Другое – жена подполковника милиции, прибывшего, к тому же, из министерства, с проверкой.

– Мы должны сделать всё быстро, нам не нужны здесь посторонние, – подвел черту Сергей Петрович.

С ним были согласны оба собеседника. Проблема заключалась только в том, что были еще и другие мнения.

* * *

Гринчук жив. Более того, он на курорте. И это именно он, сволочь, подставил Мастера и унес общак. Хорошо еще, что Лёвчик вернулся, а с ним все счета, акции-шмакции, и прочие бумаги, в которые были вложены общие деньги. Лёвчика даже не стали бить-убивать. Каждый понимал, что выбора у Лёвчика не было – с Зеленым спорить – себе дороже.

Куда там Лёвчику упираться с Зеленым! Каждый в душе понимал, что окажись он на месте Лёвчика – хрен его знает, как повел бы себя. Абрек, вон, так прямо сказал – я бы против Зеленого не потянул. Понятно, что против своих идти – крысой быть, но против Гринчука...

Кто на Гринчука наезжает, тот долго не живет, помнили все – и вслух это старались не произносить.

На это раз собрались без Али. Не то чтобы ему вдруг перестали доверять, но Али – это Али. Он ведет дела с большими людьми, а люди те стараются вести дела тихо, без крови.

А тут без крови вряд ли получится. Общак есть общак. Люди в других городах смеются. Мастер, который общак прозевал, понятно, все равно должен умереть. Такого не прощают. Но и Зеленый, который, как оказалось, не подох... Зеленый, который увел общие деньги... Такое прощать нельзя.

А, кроме этого, как немного подумав, сказал Абрек, то что Зеленый взял общак – еще не точно. На хрена Зеленому такая головная боль, если у него и своих бабок немеряно... Да и странно как-то – никогда Гринчук не шакалил, а тут...

По всему выходило – нужно ехать в Приморск. Осталось только решить – кому. Хотя, с другой стороны... Серьезные дела так не делаются. В Приморске есть люди. Им может не понравиться, когда понаедут пацаны, начнут шнырять...

Прикинув всё, люди решили созвониться с Приморском. С Большим Олегом. Перетереть толком. И отправить туда одного, максимум, двоих. Ну, или троих, на крайняк. Поговорить с бывшим ментом. Благо – Гринчук там в ментовке. И пока никуда не денется.

Никто, естественно, не хотел ехать, и Абрек возьми да и ляпни, что, мол, разговаривал с Гринчуком... Нормальный мужик... Вот ты и поедешь, обрадовались люди. Даже полетишь, на самолете. Есть у одного барыги самолет. Подкинет до Узловой. А там – встретят люди Большого Олега. Олегу звонили. Он обещал.

* * *

Звонил телефон и у Мастера. Номер высветился незнакомый. Звонили не с мобильного, и номер был, вроде, из родного города. Мастер с недоверием посмотрел на телефон. Его номер знали всего несколько человек. Звонили обычно с известных Мастеру мобилок. Хорошая штука – сотовый. Всегда понятно, кто звонит.

Но тут...

Ладно, подумал Мастер и нажал кнопку.

– Привет, – сказал незнакомый голос. – Мастер? Слышишь меня?

– Да, – коротко ответил Мастер.

– Хорошие новости для тебя, – сказал голос.

Мастер промолчал.

– Слушаешь?

– Да.

– Гринчук нашелся. Ты рад? Живой нашелся, между прочим. И знаешь, где?

Мастер скрипнул зубами. Соврали, значит, убивцы. Соврал Виталик. Не было контрольного выстрела в голову. Не было ничего. Никому сейчас нельзя верить. Если хочешь что-то сделать – сделай это сам.

– Потрясен? – голос засмеялся. – Это еще не всё. Ты хотел бы вернуться в город?

– Что? – спросил Мастер. – Что ты сказал?

– В город вернуться хочешь? Есть шанс. Лёвчик нарисовался, сказал, что его Зеленый вывез насильно. И что общак зацепил не ты...

– Я это сам знаю! – не выдержал Мастер.

– Не ты, а сам он и забрал. А тебя – подставил. Улавливаешь?

Мастер закрыл глаза. Вот так. Зеленый, сука. Понятно. И понятно, на что намекает позвонивший. Если сам Мастер привезет общаковские деньги – его простят. И даже есть шанс, что он сможет занять свое бывшее место.

– Где он? – хрипло спросил Мастер.

– В Приморске, – ответил голос, и телефон отключился.

Мастер застонал.

Так он и знал. Предчувствовал. А ведь сам виноват. Сам. Зачем тогда, ночью, сказал, чтобы Зеленый сам съездил в Приморск? Зачем вообще тогда затеял все эти игры? Просто нужно было грохнуть мента. Сразу после его разговора с Атаманом. Покойным Атаманом. Просто тупо завалить.

Того же Виталика посадить на чердак напротив дома Гринчука. Один выстрел. Сразу. А он затеял игру. Не нужно было. Не нужно.

Мастер сидел на кровати и, раскачиваясь, шептал одно – не нужно. Не нужно. Не нужно.

Только не в Приморск. Туда нельзя ехать. Нельзя. Он там уже был один раз. И вся жизнь сломалась. Покойный Атаман записывал – пришлось убрать. Его тоже приказали привезти в Приморск. Понятно, зачем. Мастеру это как раз понятно. И понятно, что после этого Атаман... Атаман мог сделать что угодно. После такого...

Он убрал Атамана так, чтобы не поняли свои и чтобы в Приморске тоже не поняли. Никто и не сообразил. Только Зеленый. Он понял. Всё понял. И он за этим поехал в Приморск? Чтобы разобраться? Или за чем?

Подставил Мастера. Подставил, но дал уйти. Зачем? Деньги хотел украсть? Ой, не всё так просто. Не всё так просто... Но...

Он в Приморске. И в Приморске к нему... С ним могут попытаться... Как и с Мастером. Чтобы захомутать. Чтобы выдавить из него всю силу, всю жизнь, чтобы сделать послушной куклой. Чтобы через него... А теперь Мастер уже не нужен. Или еще нужен?

Или это звонили те, из Приморска? Подказали, как Мастеру можно выйти из этой потасовки без особых потерь.

У него, у Мастера, есть теперь повод съездить в Приморск. Совершенно законный повод. И есть повод разобраться с Гринчуком.

А, прошептал Мастер, они хотят понять, кто круче, на кого можно делать ставку. Кто будет лучшей куклой.

– Конечно-конечно, – забормотал Мастер, вставая с постели. – Конечно. Нужно ехать. Ехать.

Мастер взял со стола другой мобильник, тот, с которого говорил обычно с Виталиком. С Виталиком нужно поговорить. Виталик, сука продажная, заказ не выполнил. А за такие вещи...

Мастер набрал номер. Потом остановился. Нет, просто грохнуть Гринчука теперь нельзя. Теперь его нужно брать живым и вытряхивать из него обшак. Можно, конечно, замочить Зеленого и положить свои бабки вместо украденных. Можно было бы. Если бы у Мастера были такие деньги.

Придется ехать. Виталик... Виталика нужно наказать.

Мастер нажал на телефоне кнопку.

– Да, – почти сразу ответил Виталик.

* * *

– Он мне позвонил, – сказал Виталик в телефон. – Вот, пять минут назад.

– И что? – спросил Гринчук.

– Ничего, он хотел дать новый заказ. Просил приехать на Узловую, а там со мной снова свяжется, – Виталик вытер пот.

Лучше бы его этот мент тогда замочил. Толкнул бы машину в пропасть – и всех делов. Всё бы закончилось. Это тогда очень хотелось жить. Казалось, что ради жизни можно пойти на все. А сейчас...

– Я, надеюсь, ты на встречу не поедешь?

– Нет, конечно, – Виталик даже хихикнул нервно. – Я еще жить хочу.
– Вот и молодец. Живи. Но когда он снова тебе позвонит, ты немедленно... что?
– Перезвоню.
– Правильно – перезвонишь. Иначе... Пока о том, что ты не выполнил заказ, знают только твои кореш, Мастер и я. Мастеру рассказывать, что он хотел меня грохнуть, пока не с руки... Улавливаешь, куда я клоню?
– Понятно, – Виталик облизал губы.
– Пока, – сказал Гринчук.
Виталик с приятелями будет молчать. Куда он денется. Такая слава киллеру – ни к чему. А Мастер скоро будет здесь. Интересно, кто будет им заниматься?
Местное милицейское начальство отреагировало быстро и жестко. Что-то подсказывает, что у горничной и начальника секьюрити – серьезные проблемы.
Значит, ночью они подготовятся, а утром начнется беготня.
Главное, что этой ночью меня убивать не будут, подумал Гринчук и закрыл глаза.

* * *

...– Здравствуй, – сказала Инга.
– Привет.
Было хорошо. Было легко. Была только она. И он.
– Напрасно... – сказала Инга.
– Что?
– Напрасно ты это все начал... Зачем тебе все это? Ведь просто нужно жить. Для меня. Для тебя. Тебя ведь могут убить. Тебя...
– Я знаю, – сказал Гринчук. – И это еще не самое страшное, что со мной могут сделать.

Гринчук вздрогнул и проснулся. Выпал из забытья.

А это уже нервы. Спать или не спать может решать только он, Юрий Иванович Гринчук, и никакой, пусть даже самый заслуженный организм, даже при поддержке усталости, не сможет тут ничего сделать.

И спать мы не будем. Мы сейчас встанем с кресла и выйдем из гостиницы на улицу. И прогуляемся немного. Не с целью, понятно, что-то найти, но чтобы подергать гостеприимных хозяев.

Сергеев ушел злой, даже в стену кулаком постучать изволил, но вот человечка своего приставить к отелю он наверняка не забыл. Не такого сорта человек. Из настоящих. Из таких получают отличные менты... или бандиты.

Гринчук задумчиво посмотрел на свою сумку, стоящую посреди комнаты. Махнул рукой. Ничего с ней не случится. Все-таки, крутой отель, с собственной секьюрити.

* * *

На улице было жарко и душно, той приморской духотой, когда влажный воздух с моря смешивается с горячими ароматами, дымом и пылью города. Горы вокруг удерживают эту смесь, как в котле, а ветра – нет. Он появится только к утру... В лучшем случае. Иначе коктейль к утру остынет, а солнце его потом снова разогреет, как суп в общепитовской столовке.

Только пройдя три квартала и свернув в скверик возле какой-то базы отдыха, Гринчук срисовал своего сопровождающего. Народу было еще много, затеряться в сутолоке свободно могло человек тридцать наблюдателей...

Гринчук вначале даже ошибся, решив, что за ним идет парочка изображающая влюбленных. Потом, в скверике, оказалось, что парочка влюбленных не изображает... Или изображает с натурализмом, службе наружного наблюдения противопоказанным.

А вот парень лет двадцати пяти, в серой футболке, серых брюках почти сливался с фоном. Когда Гринчук вышел в места почти безлюдные, да еще остановился в зарослях кустарника, у парня был выбор либо отвязаться, либо засветиться.

Отставать ему, видимо, запретили. Вот он бедняга и пошел в обход проклятого кустарника.

Темно, со стороны набережной доносится музыка и крики. Кто-то пытается петь в хрипящий микрофон...

– Привет, – сказал Гринчук.

Парень замер. Руки остались неподвижными, отметил Гринчук. Значит, в карманах и на поясе разных опасных штучек нет. Человек, у которого с собой есть что-то острое или, не дай бог, огнестрельное, при такой вот внезапной встрече ручкой обязательно за своим оружием потянется. Потом остановится, возможно, но первое движение будет наверняка.

– Не меня ищешь? – спросил Гринчук.

– Я...

– Отлить решил, – сочувственно улыбнулся Гринчук, хотя прекрасно понимал, что в темноте его улыбка не видна. – Нехорошо... Очень плохо. В общественном месте. А давай я тебя задержу...

Парень попятился.

А ведь ты не мент, подумал Гринчук. Если бы ты был ментом, которого начальник приставил наблюдать, какого хрена ты бы дергался? Ну засек тебя приезжий, ну заговорил, пригрозил задержать, благо сам – подполковник милиции. Ну покажи свое удостоверение, скажи, что ошибся, думал, кто-то прячется, чтобы совершить нечто плохое...

Зачем менту вот так неуверенно оглядываться через плечо, будто собрался бежать? Будто...

Парень бросился бежать. Парень действительно повернулся и побежал... Парень был такой спортивный, подтянутый, первый шаг сделал так легко и стремительно! И наверняка убежал бы. Если бы ему позволили. Если бы Гринчук не подсек беднягу на втором шаге.

– Не нужно бегать по темным паркам, – сказал Гринчук, укладывая парня лицом вниз в траву и быстро его обыскивая.

Ничего, кроме бумажника и мобильного, Гринчук у парня не нашел. В бумажнике было немного денег.

– Не мент, – с укоризной произнес Гринчук. – Чего же ты за мной ходишь?

Парень дернулся, пытаясь выскользнуть из-под колена Гринчука. Не получилось.

– Тебя как зовут?

– Чего ты ко мне пристал? – глухо спросил парень, пытаясь высвободить голову.

Трава лезла в рот.

– Как тебя зовут? – повторил Гринчук.

Ласково так спросил, душевно. Будто это и не его вовсе рука безжалостно вдавливала лицо парня в землю.

– Вова... – простонал парень.

– Вовочка, – Гринчук ослабил давление. – А фамилия у тебя какая?

– Пе... Петров, – Вовочка снова дернулся, не сильно, так, демонстрируя неодобрение. – Вы чего? Чего прицепились? Я ж вас...

– Тебе сколько лет?

– А что?..

– Ничего, может я маньяк, который режет только двадцатилетних. Лет сколько?

– Двадцать четыре, – Вовочка замер неподвижно.

Готовится к рывку, подумал Гринчук, сейчас вот соберется с силами, незаметно подтянет руки. Жалко, конечно, парня, но иначе все это будет продолжаться бесконечно.

Вовочка не ожидал удара, вскрикнул и захрипел.

– Не нужно мне врать, – тихо сказал Гринчук. – Не нужно за мной ходить, это само собой, но врать...

– Я... – попытался что-то сказать парень, но не смог – Гринчук ударил снова.

– Тебя зовут Вова, но фамилию свою ты называл неправильно – не научился врать, а пытаешься... Вот моя фамилия – Гринчук. Зовут – Юрий Иванович. Работаю пока в милиции. Стараюсь не врать без особой нужды. Видишь, какой я искренний? Теперь твоя очередь. Я ведь без взаимности просто зверею. Честно.

Вовочка откашлялся.

– Не нужно демонстрировать боль и повреждения, – посоветовал Гринчук. – Я бил – я знаю, тебе сейчас немного больно, но говорить ты можешь. Итак...

Парня так звали Вовой. Фамилия – Перовский. В милиции он действительно не состоял. Приказ следить за Гринчуком получил от некоего Бляхи, а тот, кажется, чуть ли не от самого Большого Олега.

– Не повезло тебе, – сказал Гринчук, выслушав торопливый рассказ Вовочки. – Тебя побили, да еще отобрали деньги и телефон. Обидно, да?

Вовочка хотел ответить. Он, наверно, и ответил бы что-то типа, да, обидно, не бейте, дядя, оставь мобилу, сволочь... Наверно.

Если бы не оказалось, что это укромное место за кустарником, пользуется большой популярностью.

Пришлось Володе потерять сознание.

Гринчук огляделся. Кто-то с руганью, шумом и треском ломился сквозь заросли от набережной. Минимум – четверо.

Не хватало еще быть схваченным в момент ограбления, усмехнулся Гринчук. Вот обрадуется подполковник Сергеев!

Что ни говори, а в полномочия проверяющего из министерства вряд ли входит избивание и грабеж местных жителей.

Гринчук встал за дерево.

– Сюда его, – приказал кто-то из пришедших.

– Да вы...

Звук удара – кто-то отлетел в кусты.

– Пасть ему чем-нибудь заткни, – приказал тот же голос.

Четверо, прикинул Гринчук. Вернее, трое и пациент. И бригада настроена очень серьезно. Такие вот дружеские разговоры обычно заканчиваются осмотром и опознанием тела в морге.

Человека выволокли из кустов и стали бить.

– Тебе, Аркаша, ведь сказали ясно – вали отсюда. Здесь тебя никто не ждет. Тебе даже помогли выехать из города...

– Он, кажись, вырубился, – сказал басом кто-то из бивших.

– Кажись... – передразнил первый голос. – Возьми и посмотри.

Гринчук осторожно приблизился. Имя «Аркаша» он сегодня уже слышал. И даже хотел пообщаться с его обладателем. Настоячивым оказался этот Аркаша Клиш, вернулся-таки в родной город. Умереть, что ли, решил в родимых местах? Патриот...

И, как оказалось, очень предусмотрительный человек. Что-то он припас на такой вот случай.

Обладатель баса наклонился к лежащему. Тот внезапно взмахнул рукой. Бас упал без звука.

Аркаша вскочил.

Гринчук шагнул вперед, но его не заметили – все участники конфликта были заняты. – Ах ты сука! – почти с восхищением выкрикнул старший из экзекуторов.

Раздался характерный щелчок – сколько этих ножигов-выкидушек наслушался Гринчук за свою жизнь!

Аркаша Клиш – тоже.

Второй щелчок – два ножа против его свинчатки. Хреново. Нужно бежать, но ногу ему ушибли конкретно, ступить на нее просто невозможно. Глиняный и Святаш двинулись к нему, расходясь, так, чтобы Аркаша оказался между ними. Лиц не видно.

Жарко как!

Глиняный показал Аркаше свой нож. Повел им справа налево. Отвлекает... С такими штуками Аркаша сталкивался тоже. И на воле, и на зоне.

Шансов-то нет, понимал это Аркаша прекрасно. Шансов...

– Сзади! – выкрикнул незнакомый голос.

Глиняный метнулся в сторону, Святаш замер и оглянулся. И упал как подкошенный. Аркаша заметил это краем глаза, потому что как раз бил Глиняного. С разворота, в висок. И тут же обернулся лицом к человеку, стоявшему над поверженным Святашем.

– Спокойно, Аркаша! – сказал человек. – Вас приветствует подполковник милиции Гринчук.

Аркаша глубоко вздохнул. Получился всхлип.

– Не нужно плакать, родная милиция всегда готова прийти на помощь законопослушным гражданам. Ты – законопослушный?

Аркаша медленно сел на землю, держась за бок.

– Совсем хреново? – спросил Гринчук и подошел ближе. – Помочь, или встанешь сам?

* * *

– Помочь я вам, конечно, помогу – базара нет, – сказал Большой Олег Абреку. – Но и ты пойми – не могу я так просто отдать вам мента, подполковника из министерства.

Абрека с двумя ребятами встретили на аэродроме, подали тачку и привезли в небольшой домик на самой окраине Приморска. Олег использовал его как гостиницу для неожиданных гостей, таких вот, как Абрек.

Печальную историю общака выслушал молча.

– Ну, ты прикинь, – душевно втолковывал ему Абрек, – ну что нам делать? Предъяву сделали Мастеру – ушел сволочь и еще двух парней завалил, из своих, когда следы рвал. Его понять, конечно, можно, за чужой грех на пику идти...

– За свой тоже неохота, – усмехнулся Олег.

– Вот и мы о том же! – кивнул Абрек. – С одной стороны – Лёвчику-то чего врать? Он и так, и так за общак не отвечал. Дела денежные вел, так он все бумаги в целости и предъявил. На Зеленого...

– На кого? – не понял Олег.

– На мента на этого, на Гринчука. У него погремуха среди наших... да и среди его друзей. Типа, по-английски, грин – зеленый...

– Ага.

– Да, так на Зеленого указал Лёвчик. Прикинь – в жизни на Зеленого никто не мог сказать, что тот продался или скурвился. Правильный мент, сечешь?

– И такие бывают? – сделал удивленные глаза Олег.

– Бывают-бывают, – отмахнулся Абрек, – ты глазами не играй, сам с такими сталкивался, небось.

– Сталктвался... Не такая редкость, между прочим. Считай, в каждом райотделе такие юродивые есть. Бедный, но честный...

– Бедный... – Абрек достал пачку сигарет, предложил Олегу и закурил. – С нашим не так все...

История о четырех миллионах долларов вызвала у Олега неподдельный интерес. Еще бы, получив законно четыре миллиона баксов, остаться в ментовке, а потом свалить, захватив с собой еще и тамошний общак.

– Ну, на хрена ему такие манцы? – Абрек прикурил сигарету от своего окурка. – Есть бабки. Надумал жениться. Есть возможность чисто уйти. Ни откупаться не нужно, ничего. Так он устраивает разборку с очень крутыми пацанами, снимает с работы начальника областного управления милиции и подставляет Мастера. У меня крышу рвет, когда я думаю об этом.

Олег пожал плечами.

Абрек не врет, понятно. Если бы врал – придумал бы что-нибудь более достоверное. А такую сказку... Такое не придумаешь.

– Ты тут располагайся, – сказал Олег, – жратва в холодильнике, там же выпивка. Завтра...

Олег посмотрел на часы.

– Сегодня утром за вами придет тачка. Извини, сами вы ездить не будете, только с моим человеком.

Абрек понимающе кивнул.

– Теперь еще... Стволы вы привезли с собой? – вопрос был жестом доброй воли.

Шмотки могли просто перетрясти, заодно обыскав приехавших. Но Олег предпочел спросить.

– Нету, – сказал Абрек. – Мы ж тебе по телефону сказали – только разобраться приехали. Если что – ты нас сам снабдишь. Нет?

– Без базара, – засмеялся Олег.

У Большого Олега очень здорово получался такой вот искренний смех. Некоторые так прямо и умирали, продолжая верить в его искренность.

– Отдыхайте, – сказал Олег и вышел.

Четыре миллиона, подумал он, спускаясь по ступенькам крыльца. Четыре миллиона, пробормотал он, садясь за руль «джипа».

Сам мент приехал с сумочкой, в такую столько бабок не спрячешь, во-первых, а, во-вторых, ее осматривали уже местные менты. Он с вокзала двинулся прямо в город, в гостиницу, там – сразу в драку, приехали менты... Не было у него времени спрятать деньги. Водилу, который его в город привез, конечно, поспрашивать нужно, но и так все понятно.

Значит, четыре лимона могли быть у бабы... И это значило, что пропала не просто женщина, а женщина с четырьмя миллионами. Баксов. Плюс бабки общака. И все это произошло всего сутки назад в Приморске.

Кто же подсуетился?

«Джип» выехал на дорогу.

Перетереть это с остальными? Мэру и господину подполковнику сказать? Придется. У них всё должно делиться поровну. Информация и бабки. И власть. Всё.

И кто же тогда осмелился взять женщину и деньги? Большие деньги, между прочим. Кстати...

Олег остановил машину над морем. Вышел, сел на сложенные бетонные плиты. В Приморске теперь много строят. Очень много.

Звезды отражались в море, смешиваясь с отражением городских огней.

Общак – дело святое. Его нужно найти и отдать. А вот четыре лимона баксов... Очень простая методика – берешь владельца и делаешь ему больно до тех пор, пока он не отдаст все. Можно будет прижать этого Гринчука...

Олег засмеялся.

Так ведь кто-то уже прижал. Прижал кто-то Зеленого. Забрали бабу, которая привезла бабки...

Блин, снова фигня получается. Если баба привезла деньги, то на хрена ее прятать? Придавили, забрали, замочили, в конце концов...

Если все так и вышло, то нужно искать того, кто все это организовал. Чужой? В Приморске? Смешно.

Кто-то из своих? Из своих кто-то...

Не стоит все это рассказывать Сергееву и Дедову... Или лучше все-таки сказать? И посмотреть, как они себя поведут...

Можно сказать про общак и не говорить обо всех деньгах. Что выбрать? Что, вашу мать, выбрать?

* * *

Жизнь – странная штука. Очень странная, если вдуматься.

На бетонных плитах почти возле самого моря сидел очень уважаемый в Приморске человек и думал о подполковнике Гринчуке. В своем кабинете сидел не менее уважаемый в Приморске человек, подполковник Сергеев и думал о Гринчуке. Не спал в своей постели мэр Приморска и думал о Гринчуке.

Капитан милиции Стоянов телефонным звонком разбудил своего бывшего однокурсника, работавшего, кстати, в родном гринчуковском областном управлении милиции, и почти два часа выслушивал информацию, легенды и слухи о Зеленом.

Абрек, который так и не уснул, сидел с Синяком и Котиком, перетирая возможные варианты завтрашнего дня.

О Гринчуке думали Владимир Родионыч, Полковник, Мастер, дремлющий на заднем сидении автомобиля, Лёвчик, спрятанный на всякий случай в подвале Большого дома, Виталик и Калека, пытавшиеся залить водкой почти панический страх перед будущим...

О Гринчуке думали десятки людей: и те, кто его знал хорошо, и те, кто всего несколько часов назад даже не догадывался о его существовании.

Был у Гринчука такой талант – привлекать к себе внимание людей.

А еще он хорошо умел слушать. Слушать так, что у человека возникало желание рассказать все. Вот, как у Аркаши Клина.

– Нет, ты прикинь. Я, значит, шесть лет назад сел. Ну, дело, сам понимаешь, житейское, хочешь зарабатывать – иди работай. Хочешь иметь бабки – крутись. Я не докрутился.

А идея, между прочим, была толковая. Лохи сами бабки несли, еще и уговаривали... Я так и не въехал, кто меня спалил. Менты приняли, суд и все такое... Восемь лет за мошенничество. Да нет, ничего, я не в обиде... Лоханулся так лоханулся. Жизнь – она как у рыб. Ты жрешь тех, кого можешь сожрать, пока не найдется тот, кто сожрет тебя.

Шесть лет я отмотал на зоне. На красной зоне, между прочим, но не ссучился и к куму стучать не ходил. Нет, в шизо тоже не ходил... Честно тянул лямку. Претензий ко мне не было ни у людей, ни у товарищей начальников.

Только вот и писем отсюда не было. Года через полтора – как отрезало. Я и бабе своей писал... Не жене, нет, так, иногда друг другу спину грели... Не ответила. Пацанам, знакомым... Не поверишь, даже бывшим одноклассникам писал. Никто не ответил. Как вымерли.

Через шесть лет меня выпустили. Два года скостили. И что я? Я, как дурак последний, вскочил в поезд – и сюда. Приехал – и что? Меня встретили сразу, как я вышел из машины. Не менты встретили, а свои, знакомые.

Встретили и говорят – езжай ты, Аркаша, из родного города куда подальше. Никто тебя здесь не ждет. Посадили в тачку и вывезли, уроды, из города. Из моего города, между прочим. Я здесь, между прочим, родился и, между прочим, вырос. Мои родители здесь похоронены. На первое дело я тут шел... Да я тут на все дела ходил. Меня все знали... Я же никогда не зарывался. Что нужно было – отстегивал в обшак. Не лез, не стучал... За что?

И я сказал себе – Аркаша, сказал я, эти уроды думают, что смогут тебя выгнать из родного города, который тебе снился шесть лет на зоне. Аркаша, сказал я себе, ты не сможешь себя потом уважать, если позволишь им тебя вышвырнуть, как грязную тряпку. И я вернулся в город. Я даже пришел к своей бывшей бабе. Увидел, что у нее все хорошо, что она держит кафе на набережной, что у нее так никого и не появилось, и не увидел, когда она позвонила Глиняному.

А как я испугался, когда понял, что меня не будут пугать и бить, а просто возьмут и убьют!

Убьют за то, что я хочу вернуться в свой город. Вы можете в такое поверить? Я по глазам вижу – можете. Вы опытный, бывалый человек. Вы сразу вызываете доверие. И любого другого я бы просто послал... Не смотрите, что я культурный и начитанный, я бы послал любого мента, если бы он мне предложил работать на него, так далеко, что он по дороге туда совершенно забыл бы, что нужно вернуться. Но теперь, когда они меня убивали, я буду работать на вас.

Я не понимаю, чем может вам помочь человек, не бывший в Приморске целых шесть лет, но если это для того, чтобы я мог остаться в своем городе... Я готов. Я могу даже козырять вам, если нужно. Не нужно? Ну, и слава богу!

Аркаша Клин уснул почти счастливым на диване в номере Гринчука. Он время от времени стонал, переворачиваясь с боку на бок, но выражение лица было самым умиротворенным.

За окном серело. Гринчук потер переносицу. Можно, конечно, попытаться подвести некоторые итоги. Или не стоит? Это можно сделать и после нескольких часов сна.

Не раздеваясь, Гринчук упал на кровать. Всё, товарищ организм, можно вырубаться. Подъем – в семь часов тридцать минут. И, пожалуйста, без снов.

Гринчук уснул.

И спал до семи часов тридцати минут. Без сновидений. Он всегда с пониманием смотрел фильм про Штирлица.

Солнце за окном уже светило вовсю. Шторы были задернуты неплотно, и яркая полоса солнечного света перечеркивала стену спальни.

С каким настроением должен проснуться подполковник Гринчук, у которого пропала любимая женщина, спросил себя подполковник Гринчук. С хреновым.

С очень хреновым?

Гринчук встал, сделал несколько упражнений на растяжку.

Старый я уже, подумал Гринчук.

– Старый я! – сказал Гринчук, рассматривая себя в зеркало в ванной.

Отражение не возражало – старый так старый.

Аркаша все еще спал.

– Аркаша, подъем, – безжалостно скомандовал Гринчук. – Подъем!

Аркаша сел на диване. Потер лицо, взъерошил волосы. Открыл глаза:

– А я думал, что вы мне приснились.

– Извини, не оправдал, – развел руками Гринчук. – В девять часов ровно сюда придет подполковник Сергеев. Он будет сильно не в духе, возможно даже будет повышать голос и угрожать. К этому моменту мы должны быть чистыми, выбритыми и позавтракавшими. Я лучше переносу скандалы на полный желудок.

Аркаша встал с дивана.

– А еще я не исключаю появления некоего Большого Олега, – добавил Гринчук. – И вот с ним у нас может также произойти серьезный разговор. Этот может явиться даже раньше подполковника Сергеева.

Аркаша проснулся.

– И зачем к вам может прийти Олег? Извините, я помню, когда его еще называли просто Олегом, без Большого. Был так себе мальчик, шустрый – и всё.

– Время сейчас такое, – Гринчук сел в кресло. – Шустрое. У меня лет пять назад стажировался лейтенант. Шустрый. Сейчас борется с экономическими преступлениями в звании полковника. Чему удивляться, что шустрый мальчик Олег стал Большим Олегом и держит теперь этот город?

– Я и не удивляюсь. Я констатирую факт.

* * *

– И это остается фактом! – сказал Владимир Родионыч Полковнику.

Они в кои веки вместе завтракали, сидя на летней веранде загородной резиденции Владимира Родионыча.

– Факты – упрямая вещь, – согласился Полковник, намазывая булочку маслом. – И я с ними не собираюсь спорить. Да, Гринчук в Приморске. Кроме того, в Приморске уважаемый Абрек с двумя своими людьми...

– Вы мне станете сейчас говорить, что они туда поехали отдохнуть? – Владимир Родионыч резко отодвинул тарелку, опрокинув фужер с минеральной водой.

Официантка бросилась вытирать воду.

Владимир Родионыч подождал, пока она управится. Полковник допил свой кофе и аккуратно салфеткой вытер губы.

– Нет, – продолжил разговор Полковник, когда официантка отошла от стола. – Я не стану утверждать, что они туда поехали отдохнуть. Они туда поехали, чтобы выяснить у Юрия Ивановича, не зажал ли он их родной общак.

– Мне так и отвечать на вопросы?..

– Именно так вам и отвечать на вопросы. Юрий Иванович – самостоятельный человек. Даже слишком самостоятельный, на мой взгляд. Он решил уехать – уехал. Решил забрать общак – забрал. Никого не спрашивая. Вас он не спрашивал?

– Естественно, нет, – возмущенно взмахнул рукой Владимир Родионыч.

– И меня тоже, – обрадовался Полковник. – Мы с вами можем даже потребовать теста на детекторе лжи. Али тоже не знал, что отрядили делегацию на встречу с Гринчуком. Нам ничего не могут припаять. Не изводите себя так.

– Значит, не изводить. Значит, если меня снова будут допрашивать эти два...

– Вы просто не любите, когда вас допрашивают, – Полковник встал из-за стола. – Вы привыкли, что выслушивают – внимательно выслушивают – ваше мнение. А тут вам даже угрожают.

– Представьте себе – даже угрожают. Именно угрожают. Именно! – Владимир Родионыч встал из-за стола и подошел к перилам балкона. – Самое обидное – я не знаю, что им от меня нужно. Даже не так... Я не знаю того, о чем они меня спрашивают. Нет, утаить свои мысли, соврать – это пожалуйста. Но пытаться объяснить двум выскочкам, что я действи-

тельно не знаю ничего о намерениях Гринчука и не имею ни малейшего понятия о том, что он задумал... Я даже его телефона не знаю, в конце концов. Я...

Снизу, от крыльца послышался свист.

Владимир Родионыч посмотрел, кашлянул и оглянулся на Полковника.

– Что? – спросил Полковник, подходя.

– Это уже хамство! – Владимир Родионыч указал пальцем вниз.

Полковник посмотрел.

– Доброе утро, господин Бортнев! – сказал Полковник и помахал рукой. – Это вы с утра свистите на Владимира Родионыча?

Владимир Родионыч швырнул на пол салфетку, которую все это время крутил в руках, и ушел с балкона.

– Можно войти? – спросил Бортнев. – Я не могу дозвониться по телефону... А ваша охрана...

Охрана Владимира Родионыча действительно получила указание никого не допускать без особого разрешения. А отправляясь на завтрак, Владимир Родионыч приказал не беспокоить. Выключил свой телефон и потребовал от Полковника того же.

– Позовите охранника, – сказал Полковник, опершись на перила.

Бортнев поднялся на крыльцо, постучал в дверь, что-то сказал и показал пальцем на балкон. Из дома вышел охранник. Кажется, его зовут Михаил, вспомнил Полковник.

– Пропустите, пожалуйста, прапорщика Бортнева в кабинет к Владимиру Родионычу, Михаил. А вы, товарищ прапорщик, пожалуйста, постарайтесь не свистеть на Владимира Родионыча при личном общении. Он этого не любит. Как выяснилось.

Полковник вошел в кабинет Владимира Родионыча:

– Мы сами виноваты. Мы выключили свои телефоны...

– Я ему не мальчишка! – почти выкрикнул Владимир Родионыч. – Не мальчишка. И не позволю...

Полковник сел в кресло возле журнального столика, достал из кармана свой телефон и демонстративно его включил.

– Этот ваш Браток, выкормыш незабвенного Гринчука... – возмущенно начал Владимир Родионыч, но Полковник его прервал.

– Вы хоть на Братка не кричите. Вот уж совершенно безответный и работающий человек. И кто поверит, что еще год назад он ходил в быках у Гири?

– Я поверю! Он свистит!

В кабинет вошел прапорщик Бортнев. Остановился перед письменным столом.

– Вы ведь не будете больше свистеть на Владимира Родионыча? – спросил Полковник.

– Садитесь вон в кресло, – махнул рукой Владимир Родионыч.

– Доброе утро, – сказа Браток и полез во внутренний карман пиджака.

К Владимиру Родионычу он приходил только одевшись самым официальным образом.

– Здравствуйте, – уже примирительным тоном ответил Владимир Родионыч. – Что вас привело...

– Вот, – Браток положил на стол конверт.

– Что это? – спросил Владимир Родионыч. – Надеюсь, не прошение об отставке?

– Это сегодня утром я обнаружил в своей машине, – сказал Браток и поправил узел галстука. Если честно, галстук хотелось снять, но такого в присутствии Владимира Родионыча Браток себе позволить не мог.

Полковник встал с кресла и подошел к столу. Длинный белый конверт. Не заклеенный.

– Вы в него уже заглядывали? – спросил Полковник.

Браток молча кивнул.

Владимир Родионыч медленно взял конверт со стола, достал из него сложенный лист бумаги. Развернул.

Надел очки.

Прочитал текст, напечатанный, насколько видел Полковник, на принтере. Снял очки, аккуратно положил их в футляр.

Браток с отсутствующим видом посмотрел в окно.

Лицо Владимира Родионыча стало медленно наливаться краской.

– Позвольте, я взгляну, – Полковник взял записку.

– Я пойду? – спросил Браток.

– Сидеть, – коротко приказал Владимир Родионыч. – Вслух читайте, Полковник. Вслух. Дайте мне еще раз насладиться стилем.

Браток пригладил волосы и сел в кресло. Привстал, поправил пиджак и снова сел. Ему очень хотелось оказаться где-нибудь далеко, в более безопасном месте. В клетке с тиграми, например.

– Браток, – прочитал Полковник. – Передай этим козлам...

Полковник кашлянул и посмотрел на Владимира Родионыча.

– Передай этим козлам, чтобы они забрали своего Зеленого из Приморска. Если к полудню он не уедет оттуда, у тебя и у них будут большие неприятности.

Полковник посмотрел на Братка и улыбнулся:

– Иван, а почему вы решили, что эти козлы...

– Не нужно устраивать здесь клоунаду, Полковник, – Владимир Родионыч хлопнул ладонью по столу. – Козлы так козлы! Но кто смеет НАМ приказывать? В таком тоне!

– И, – поднял палец Полковник, – как мы сможем убрать Гринчука из Приморска, даже если захотим?

Прапорщик Бортнев тяжело вздохнул.

– Вы, Иван, тоже что-то хотите сказать? – спросил Полковник.

– И какие неприятности у нас будут после полудня? – спросил Браток. – Я вот, например, надел бронежилет.

Глава 3

Впервые в жизни начальнику Приморского городского отделения милиции начало казаться, что он сходит с ума. Или даже уже сошел.

Начальник отделения, естественно, очень не хотел в это верить. Он настойчиво убеждал себя, что с ним, подполковником Сергеевым, все как раз в порядке, а вот окружающие...

Приблизительно это он сказал Большому Олегу, когда тот под утро поднял подполковника с постели и сообщил, что этот самый Гринчук, мать его так, не просто приехал за своей будущей женой, а бежал из родного города, прихватив воровской общак. Причем деньги везла именно пропавшая женщина. А еще Гринчук, как говорят, был обладателем четырех миллионов долларов.

В воображении Сергеева образ стандартного подполковника милиции слабо сочетался с четырьмя миллионами долларов. Сам Сергеев не был человеком бедным, но четыре миллиона... Не бывает. Не может быть.

Вот общак при случае увести – да, это можно. Если, конечно, у тебя уже готовы пути отхода и запасные, лучше иностранные, документы. Тырить общак и потом отправляться на отечественный курорт... Люди точно сходят с ума.

И не морочь мне голову этими четырьмя миллионами, сказал Сергеев Большому Олегу. И держи пока приезжих бандитов на привязи. Вначале нужно четко понять, что делать с Гринчуком, как выпроводить его из Приморска с наименьшими потерями. Не привлекая внимания к городу. Сам курортник не уедет, пока не получит сведений о своей даме. И он честно предупредил, что пока будет разыскивать жену, будет коротать одиночество внимательным знакомством с городом и деятельностью его милиции.

Твою мать!

Так, если передавать кратко, Сергеев отреагировал на информацию, поступившую от Стоянова. Бывший однокурсник капитана живописал биографию Гринчука ярко, с подробностями, слухами, сказками и легендами. И то, что именно Гринчук прошлой зимой обезглавил две наиболее крутых группировки, что именно он буквально несколько дней назад убрал с поста начальника областного управления милиции, да так, что тот скорострительно скончался от сердечного приступа в госпитале. И то, что Гринчук почти год наводил порядок среди наиболее богатых и влиятельных людей города, тоже было сообщено. Самым простым и объяснимым на общем фоне выглядел карьерный взлет райотдельского опера за один день от капитана до подполковника.

Кто-то его двигал, сказал Стоянов. И рассказал историю о четырех миллионах.

Сергеев задумался. Сергеев крепко задумался, предварительно выставив Стоянова из кабинета.

Если в историю с романтической игрой будущей супруги с будущим мужем Сергеев верить не собирался, то появление крупных сумм делало все происходящее более реальным. Не совсем понятно, почему для своего ухода Гринчук с супругой выбрали именно Приморск, но кроме этого всё было очень логично.

Подполковник, имея хорошие деньги, решает выйти из игры. Действительно, что-то или кто-то заставило его продолжить тянуть ментовскую ляжку, уже имея миллионы. Сам Сергеев ни на секунду бы не остался на своем посту, имея подобный кусок.

Значит, Гринчук готовит отход. Вроде бы уходит из милиции на пенсию, но получает новое удостоверение в министерстве. И сдает министру начальника областного управления... Тут как раз всё объяснимо. Вполне.

Министру начальник мог не нравиться и произошел обмен – Гринчук министру отдает своего генерала, а министр Гринчуку... Удостоверение и бумагу, предписание на проверку

городского отделения Приморска. Имея на всякий случай такой документ, Гринчук мог делать в городе что угодно.

Если бы он прибыл в Приморск одновременно с супругой, то спокойно порешал бы все свои вопросы, вплоть до аренды яхты или катера и ухода за кордон. Иллюзий по поводу эффективности нынешней погранохраны Сергеев не питал.

Но приехать вместе они не смогли. Что-то там случилось с приятелем Гринчука, неким Михаилом, о котором мало кто что знал, но все, если верить информации Стоянова, побаивались и легенды распускали самые невероятные – от службы дьяволу, до зомбирования в секретный военных лабораториях.

Совсем с ума посходили, пробормотал Сергеев.

Кто-то в результате перехватил даму с деньгами. Трудно сказать, были ли у нее четыре миллиона с собой, но и общак – очень и очень лакомый кусок. Осталось выяснить, кто перехватил даму, и вернуть ее Гринчуку. Или четко указать, с реальными доказательствами, что найти ее тут невозможно, что она...

И пусть сам ищет дальше.

Сергеев взглянул на часы. Времени на размышления больше не было. Нужно в девять ноль-ноль быть у Гринчука. Господин проверяющий изволили приказать.

Приказав сидящему в приемной Стоянову следовать за ним, Сергеев вышел на улицу, сел за руль и подождал, пока капитан устроится на соседнем сидении.

– Говоришь, дома Гринчука все боятся до слез? – спросил, не оборачиваясь, подполковник.

– Хуже. Уголовники тамошние вообще считают, что тот, кто ссорится с Гринчуком, долго не живет. Загибается самым мистическим способом. Привязать к Гринчуку это не получается, но все искренне верят. История с общаком – единственная, где Гринчук прокололся.

– История с общаком... – протянул задумчиво Сергеев. – История с общаком... А что, можно попробовать.

Машина выехала со двора городского отделения, свернула направо.

Стоянов покосился на начальника – лицо того вдруг приобрело выражение уверенности. Что-то придумал начальник. Стоянов попытался представить что именно. Общак...

– Значит, смотри, – сказал Сергеев, когда остановил машину возле гостиницы. – Ты будешь везде сопровождать нашего уважаемого проверяющего. Пусть делает что хочет. Будет тебя гнать, плачь, валяйся в ногах, умоляй и просись. Нет – ходи следом в отдалении. Возьми человека четыре, чтобы не потерять его из виду. Если он будет обижаться – скажи, что это охрана. Что я распорядился. Или... Ладно, об этом я ему и сам скажу.

Сергеев и Стоянов вышли из машины.

– Жарко, – сказал Сергеев.

Посмотрел через дорогу.

– Здравствуйте, товарищ начальник! – крикнул ему сапожник, сидевший прямо напротив гостиницы у открытых дверей своего киоска.

Сапожника в городе знали все, он тоже знал всех и был своеобразным символом города.

– Здорово, Максимыч! – помахал рукой Сергеев. – Как жизнь?

Машин на улице почти не было, и можно было свободно переговариваться через дорогу.

– Всё в порядке, что со мной может случиться, – засмеялся Максимыч.

– Мои не беспокоят? – спросил Сергеев.

Пять лет назад, когда Максимыч только обосновался в своем киоске, патрульные попытались обложить сапожника налогом, но к их громадному удивлению, как-то это не заладилось. Ребята были приезжие, не знали, что еще совсем недавно Максимыч учительствовал

в единственной городской школе. И почти все жители Приморска учились у него. Русский язык и литература. Патрульные потеряли работу и место жительства, срочно уехали из города.

– Не беспокоят? – переспросил Сергеев. – Нет? Ну и ладно.

Беседуя с бывшим учителем, подполковник ощущал себя чуть ли не хранителем городских традиций.

В вестибюле Сергеев взглянул на настенный часы. Без пяти девять.

* * *

– У нас осталось три часа, – Владимир Родионыч покрутил демонстративно в руках часы.

– Три часа пять минут, – меланхолично поправил Полковник.

– Четыре минуты, – сказал Браток, глядя на часы.

– Я сейчас отберу у всех часы и выброшу их в окно, – пообещал Владимир Родионыч.

Браток виновато шмыгнул носом. Ему очень хотелось уйти отсюда и заняться чем-нибудь полезным. Давно в лицей не заходил, поинтересоваться, не появилась ли снова наркота у элитных деток. И кстати, стукачей из obsługi подергать стоило. Стучат хорошо, но застаиваться им давать нельзя. Прав Юрий Иванович – ничто так не мобилизует подчиненных, как личное присутствие компетентного начальства. Компетентного.

За последние месяцы прапорщик Бортнев стал относиться к себе с возросшим уважением.

Ему даже начало нравиться чувствовать себя профессионалом в наведении порядка среди новых дворян, как их именовал Полковник. Возможно, Владимир Родионыч их именовал так же, но с ним Браток общался, слава Богу, редко.

– Что еще мы можем сделать? – спросил сам у себя Владимир Родионыч.

– Может, – предложил Полковник, – подтянем еще охрану из филиалов? Попросим наших уважаемых дворян...

– Не нужно, – Владимир Родионыч поморщился. – Предупредить Совет – мы предупредили. Кто нужно – эту информацию получил. Охрану из филиалов?..

– Не! – не выдержал Браток. – Не нужно. Мы ж задолбаемся выяснять, кто есть кто. Мы ж их в лицо не знаем. И будем потом не чужих отслеживать, а выяснять, кто из незнакомых убийца, а кто – охранник из филиала.

– Логично, – кивнул Владимир Родионыч. – С такой сметкой – и все еще прапорщик. Вы б его, Полковник, хоть старшим сделали, что ли.

Браток засопел.

– Да не обижайтесь вы, Иван, – Владимир Родионыч снова посмотрел на часы, что-то прошипел сквозь зубы и бросил часы в мусорное ведро. – Вы все правильно сказали. Это я...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.